

Вл. В. Седов

НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ В НАДВРАТНЫХ ХРАМАХ ВИЗАНТИИ И ДРЕВНЕЙ РУСИ

В знаменитом «Слове о законе и благодати», написанном киевским митрополитом Илларионом во второй четверти XI века, говорится о деятельности князя Ярослава Мудрого, и, среди прочего, митрополит повествует о том, что князь (приводим в переводе. — В. С.) Киев «окружил величием, как венцом, и народ твой и град святой предал <в покровительство> скорой помощнице христианам Пресвятой и Преславной Богородице, которой на Великих вратах и церковь воздвиг во имя первого господского праздника — святого Благовещения, чтобы приветствие, возвещенное ангелом Деве, прилагалось и к граду сему. И если той <возвещено было>: „Радуйся благодатная! Господь с тобою!“, то граду „Радуйся, град православный! Господь с тобою!“»¹ В приведенном отрывке речь идет о сооруженной по заказу князя Ярослава Мудрого каменной надвратной церкви Благовещения Богородицы, поставленной над Золотыми воротами Киева, названными в цитированном тексте «Великими». Автор «Слова» подчеркивает, что князь Ярослав Владимирович передал Киев под покровительство Богородицы, в честь которой над главными воротами городских укреплений был воздвигнут храм, посвящение которого связано с «первым господским праздником», Благовещением Богородицы.

Следует отметить, что написавший «Слово» митрополит Илларион мог сам участвовать в составлении довольно сложной «програм-

¹ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI–XII века. СПб., 1997, с. 50–51. Приводим этот текст в подлиннике: «И славныи градъ твои Кыевъ величствомъ, яко венцемъ, обложилъ, предасть люди твоа и градъ святыи, всеславнии, скорееи на помощь христианомъ Святей Богородици, еи же и церковь на Великихъ вратехъ създа въ имя первааго Господскаго праздника — святааго Благовещениа, да еже целование архангель дасть Девици, будет и граду сему. К онои бо: „Радуйся, обрадованаа! Господь с тобою!“, к граду же: „Радуйся, благовернии граде! Господь с тобою!“»

мы» посвящения Киева Богородице и освящения надвратной церкви в честь Благовещения. Но является ли эта программа оригинальной? А также является ли оригинальным сам тип киевского надвратного храма — ведь это самая ранняя дошедшая до нас (пусть частично, только в нижних частях) древнерусская надвратная церковь, послужившая образцом для десятков, если не сотен более поздних древнерусских надвратных храмов?

В «Повести временных лет» рассказ о закладке церкви Благовещения помещен под 6545 (1037) г., здесь подчеркивается, что храм этот строится над Золотыми воротами (в «Слове о законе и благодати» они названы Великими) и включен в общий замысел нового Киева: с храмом Софии Премудрости Божией, с надвратным храмом и монастырями Георгия и Ирины. Посвящение храма на воротах объясняется желанием дать городу навсегда радость Благовещения и заступничество Богородицы и архангела Гавриила: «Заложил князь Ярославъ городъ великий Кыевъ, у него же града врата суть Златая; заложил же и церковь святыхъ Софья, Премудрость Божию, митрополью, и по семь — церковь на Златыхъ вратехъ камену святыхъ Богородица Благовещение. Сий же премудрый князь Ярославъ то того деля створи Благовещение на вратехъ, дать всегда радость граду тому святымъ благовещениемъ Господнимъ и молитвою святыхъ Богородица и архангела Гаврила. По семь святого Георгия монастырь и святыхъ Орины»².

Мотивация постройки и объяснение посвящения церкви на воротах в статье 1037 г. в «Повести временных лет» и в «Слове о законе и благодати» очень схожи, что дает основание предполагать наличие подобной программы у князя Ярослава и его церковных иерархов. Эта программа, отразившаяся в «Повести временных лет» кратко, в «Слове о законе и благодати» дана в более развернутом виде: крестивший Русь князь Владимир уподобляется здесь царю Давиду, а его преемник, князь Ярослав Мудрый — царю Соломону, создавшему храм Божий, закончившему дело Давида.

Этот новый Давид, князь Владимир, в свою очередь уподобляется императору Константину, утвердившему христианство «в еллинской и римской стране», тогда как Владимир установил закон народу русскому. Константин перенес из Иерусалима крест, тогда как Владимир перенес крест и христианство из «Нового Иерусалима», то есть из Константинополя, на Русь. А сын его, князь Ярослав, дополнил дело отца, прибавив к построенной им церкви Богородицы (Десятинной) храм Софии (как в Константинополе) и новые обширные городские укрепления с Золотыми воротами и стоящей над ними церковью Благовещения Бого-

² Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI–XII века. СПб., 1997, с. 192–193.

родицы³. Итак, перед нами вырисовывается продуманная митрополи- том Илларионом и, вероятно, действительно существовавшая програм- ма перенесения основных топосов Константинополя, этого Нового Ри- ма и Нового Иерусалима, в Киев. В этот ряд прекрасно встраивается церковь Богородицы Десятинная (она могла уподобляться Влахернско- му храму), прямо включается митрополичий собор Софии, перени- мающий посвящение патриаршей Великой церкви; замечательно упо- добляются Золотым воротам Константинополя и Золотые (Великие) ворота Киева. Но остается вопрос: как быть с храмом над киевскими Золотыми воротами? Он тоже повторяет какую-то константинополь- скую постройку или это все же оригинальное «добавление» авторов русского Нового Иерусалима — Киева?

Авторы, описывающие Золотые ворота Константинополя, не дают сведений о надвратном храме, когда-либо стоявшем над этими триум- фальными двухбашенными воротами, над которыми сейчас нет и следа от древних кладок когда-то возвышавшейся над ними культовой по- стройки. Но нам известен текст, в котором прямо говорится о существо- вании церкви Богородицы, называвшейся также Иерусалимом и сто- явшей «внутри» Золотых ворот Константинополя. В «Слове о положении Ризы Богоматери во Влахернах», созданном, вероятно, Феодором Синкеллом и повествующем об осаде Константинополя ава- рами в 619 г., говорится о том, что император и патриарх молились о снятии осады в храме Золотых ворот: «Итак, когда явившаяся та саран- ча (авары. — В. С.) опустошала все окрестности города, царь покинул дворец и, пребывая в одежде частного человека, на сколько можно бы- ло, трудился и подвизался с проливанием слез, распростершись на зем- ле в храме Богородицы, который называется „Иерусалимом“ и лежит внутри ворот, именуемых „Золотыми“ по работе. Но и сам иерарх, оставив свои священные палаты, в том же самом храме подвизался вместе с царем день и ночь в молитвах и молениях; весь же заключенный в го- род народ, мужчины и женщины и сколько по возрасту было детей, со- вершали литии и оплакивания повсюду в храмах Богородицы, моля из- бегнуть гибели перед глазами»⁴.

³ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI–XII века. СПб., 1997, с. 48–51. О по- священии града Богородице и теме Иерусалима применительно к Софии Киевской и «Слову» Иллариона см.: *Аверинцев С. С.* К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // *Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси.* М., 1972, с. 25–49. См. также о библейских и иеруса- лимских аллюзиях относительно Киева: *Петрухин В. Я.* Город и сакральное про- странство: библейский миф в начальном русском летописании // *Сакральная топо- графия средневекового города.* М., 1998, с. 23–30.

⁴ *Реликвии в Византии и Древней Руси. Письменные источники* / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2006, с. 220.

Итак, «внутри» Золотых ворот Константинополя, этого Нового Иерусалима, был храм Богородицы, который по каким-то причинам назывался Иерусалимом. Моление в этом храме, совершавшееся царем и патриархом, считалось важным для избавления города от неприятеля. По всей видимости, мы имеем дело с прообразом надвратной церкви Благовещения на Золотых воротах Киева. Если это так, то программа «перенесения» образа Нового Иерусалима — Константинополя в Киев при князе Ярославле Мудром включала в себя и перенесение тоposa Золотых врат Константинополя, но не только переноса самого названия и типа крепостных ворот, но и воссоздание образа воротной башни (комплекса воротного проезда) с находящейся в ней и над ней церкви, освящающей и защищающей ворота.

Не очень ясно время появления этого образа и самого типа надвратного храма. Храм Богородицы (Иерусалим), располагавшийся в Золотых воротах (за ними или над ними), не сохранился, источники только упоминают его⁵, и судить о его местоположении и о характере его архитектуры мы можем лишь очень предположительно: есть очень малая вероятность того, что он стоял все же над воротным проездом, где в настоящее время находится площадка между башнями. Вероятнее всего, храм был разрушен вскоре после завоевания города турками в 1453 г.: вскоре после этого византийская крепость у Золотых ворот, «Калоянов городок» русских паломников, превратилась в Семибашенный замок, а Золотые ворота были окончательно блокированы.

Через Золотые ворота Константинополя до самого позднего времени проходили триумфальные процессии и торжественные входы императоров в Город, но о храме над воротами другие источники не упоминают⁶. Как же появился образ надвратного храма? Как появился образ стоящего над воротной башней повсюду узнаваемого средневизантийского храма с прямоугольным блоком, увенчанным куполом на высоком барабане?

Мы думаем, что надвратный храм над Золотыми воротами Константинополя все же был, хотя архитектура его была не слишком заметной: тем или иным образом храм примыкал к воротам или даже сто-

⁵ *Janin R.* La géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin. T. III. Les églises et les monastères. Paris, 1969, p. 259. Р. Жанен пишет о храме в квартале у Золотых ворот, носившем название Иерусалим или Новый Иерусалим. Бывший здесь монастырь носил название Теотокос, или Святого Диомида. Почему монастырь назван Иерусалимом — неясно. От себя подчеркнем еще раз подтверждение в других источниках сведений, сообщаемых в «Слове» Феодора Синкелла.

⁶ *Van Millingen A.* Byzantine Constantinople. The Walls of the City and Adjoining Historical Sites. London, 1899, p. 59–73; *Mango C.* The Triumphal Way of Constantinople and the Golden Gate // *Dumbarton Oaks Papers*. 54. Washington, D.C., 2000, p. 173–188.

ял над ними, но был практически не виден, терялся в первоначальной композиции мраморных триумфальных ворот⁷. Однако в идейном смысле, в смысле символическом значение этого храма Богородицы Иерусалим было больше, чем архитектурное значение самого храма над (за) Золотыми воротами: этот храм воспринимался, по всей видимости, как главный градозащитный объект, как особенность Нового Рима и Нового Иерусалима, каким считался Константинополь. Город Константина, посвященный Богоматери (которая в Акафисте «Взбранной воеводе» сама уподобляется Новому Иерусалиму⁸), защищался не просто воротами, а вход в него предварялся не просто триумфальной аркой, — вход в город защищался Золотыми воротами с церковью Богоматери над ними (не отсюда ли образ Богоматери как «двенадцати-стенного града, и двери златокованой, и чертога светообразного»?)⁹. Ворота, несущие храм, защищающий град лучше стен и башен, — новый архитектурный тип, возникший, по всей вероятности, в начале средневизантийского периода, то есть в VII–VIII вв. Этот тип, по нашему мнению, возник как-то сразу, одновременно с основными типами средневизантийской архитектуры: храмом типа «вписанный крест» (вариант на четырех колонках), пятиглавыми храмами того же типа и храмами с куполом на восьмигранном основании. Надвратный храм можно считать одним из основных типов этого времени, он показывает символичность средневизантийской архитектуры и ее способность к созданию иконографически простых, ясных, но в то же самое время многозначных композиций.

Связь между образом Небесного Иерусалима и типом надвратной церкви (только недавно созданным по отношению к времени создания рукописи) показывает и миниатюра Хлудовской псалтири IX в., изображающая Святой Сион (Иерусалим) как «сочетание ярусной башни и базилики», «врата в своеобразной башне, увенчанной изображением храма», что «может быть осмыслено как символический прототип надвратного храма», что «должно было вызывать мысль о Горнем Иеруса-

⁷ Заметим, что храм мог находиться как над самими воротами, так и над передними воротами, сооруженными или сильно перестроенными в средневизантийское время. Над этой башней с одним арочным проездом гравюра 1685 г. показывает какую-то граненую (восьмигранную?) постройку с шатровой кровлей. См.: *Mango C. The Triumphal Way of Constantinople and the Golden Gate // Dumbarton Oaks Papers. 54. Washington, D.C., 2000. Ill. 8, 9.* Нельзя ли предположить, что это и есть остатки храма Богородицы Иерусалим «в Золотых воротах»?

⁸ *Лихачев Д. С. «Пирогощая» «Слова о полку Игоревом» // Лихачев Д. С. «Слова о полку Игоревом» и культура его времени. Л., 1985. С. 275.*

⁹ Там же, с. 276. См. также на близкую тему: *Лихачев Д. С. Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси // Успенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования. М., 1985, с. 17–23.*

лиме, в одной конструкции воплощая символические мотивы врат, храма и башни»¹⁰.

В ранних средневизантийских изображениях Иерусалима в сцене «Вход в Иерусалим» город изображен как башнеобразная крепость, внутри которой есть храм¹¹. В какой-то степени эта архитектурная композиция напоминала надвратный храм, что дает нам ключ к пониманию самого значения типа надвратного храма: это Новый Иерусалим, православный город, сведенный к схеме: башня — храм.

С определенного времени (с XIII в.?) на иконах в сцене Входа в Иерусалим действительно начали изображать город с надвратным храмом над воротной башней. Одним из самых ранних изображений надвратного храма в этой сцене можно считать миниатюру «Вход в Иерусалим» из Ахпатского евангелия 1211 г.¹² Это, конечно, не значит, что иконописцы считали, что Иерусалим имел некий храм над своими Золотыми воротами, это может означать укоренившееся представление о Небесном Иерусалиме как о городе, ворота которого снабжены надвратными церквями.

До того, как обратиться к предположениям о создании самого типа надвратного храма, мы хотели бы рассмотреть исторические и натурные данные о византийских надвратных храмах. Представление об этих памятниках может позволить понять степень распространенности самого типа в Византии и странах Византийского мира. Этот материал до сих пор не был собран и систематизирован, а потому представлялось, что надвратные храмы — особенность Древней Руси, а затем Новгорода и Московской Руси¹³.

Прежде всего, нам нужно понять: были ли Золотые ворота Константинополя, увенчанные (или дополненные сбоку, сзади) церковью, единственным образцом для Золотых ворот Киева с их надвратной церковью Благовещения? Существовали ли в Византии другие надвратные храмы — при входе в город?

¹⁰ Лидов А. М. Образ Небесного Иерусалима в восточнохристианской иконографии // Иерусалим в русской культуре. М., 1994, с. 17–18.

¹¹ Einzug in Jerusalem // Lexikon der christlichen Ikonographie. Erster Band. Ron, Freiburg, Basel, Wien, 1994, S. 593–598. См. например, миниатюру «Вход в Иерусалим» из армянского Евангелия Могни XI в. — Измайлова Т. А. Армянская миниатюра XI века. М., 1979, с. 174, илл. 102.

¹² Дурново Л. А. Очерки изобразительного искусства средневековой Армении. М., 1979, с. 249, илл. 151 на с. 254.

¹³ Такой точки зрения придерживался В. П. Выголов, написавший специальную статью, посвященную древнерусским надвратным храмам: Выголов В. П. Надвратные храмы древней Руси (проблемы эволюции и происхождения) // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Столица и провинция. М., 1994, с. 3–36.

Оказывается, такие храмы были. В самом Константинополе источники упоминают по крайней мере одну церковь над городскими воротами («калиткой») со стороны моря. Византийский историк Лев Диакон, рассказывая о неудачной попытке захватить императорскую власть, предпринятую куропалатом Львом, братом императора Никифора II Фоки в 971 г., говорит о воротах под храмом святого Фоки: «Глубокой ночью взшел Лев на корабль, пристал к крепости, проник через калитку, находившуюся под храмом святого Фоки, в город и уже возмечтал, что обладает верховной властью»¹⁴. Местоположение этого храма точно не известно, но он, вероятнее всего, находился у восточной приморской стены Константинополя¹⁵.

Есть еще одно указание на надвратный храм в самом Константинополе: над воротами с южной стороны города, известными под турецким названием Индшили-киоск, возвышался храм Христа Филантропа¹⁶. Это был настоящий надвратный храм, господствовавший в панораме приморских укреплений. Церковь была сооружена, по всей вероятности, при императоре Алексее Комнине (1081–1118).

Мы должны представить себе Константинополь, у которого есть не только Золотые ворота с примыкающим храмом (гипотетическим, но все же вероятным), но и небольшие ворота в стенах со стороны моря, над которыми достоверно возвышались храмы. Образ христианского, православного города, в котором ворота защищаются стоящими над ними храмами должен был получить отражение в архитектуре других городов империи и городов союзных с Византией православных государств.

Такое подражание «Константинополю вообще» вызывает к жизни целую серию надвратных храмов, поставленных вместе с воротами городских укреплений. Это были, по нашему мнению, случаи перенесения символики и «градостроительной иконографии» (такой термин мы предлагаем для устойчивых и считываемых структур городской ткани) Нового Иерусалима, то есть Константинополя. Надвратные храмы, защищающие, осеняющие и украшающие воротные башни городов, известны нам на территории самой Византии только в ее восточной провинции Понт, ставшей в XIII–XV основой Трапезундской империи, а также в Болгарии, входившей в состав Византии в XI–XII вв.

¹⁴ Лев Диакон. История. М., 1988, с. 77 (IX, 4).

¹⁵ Лев Диакон. История. Прим. 11 на с. 208. Церковь Св. Фоки в Константинополе была расположена у восточной приморской стены. Точное местоположение не выяснено. См.: Janin R. La géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin. T. III. Les églises et les monastères. Paris, 1969, p. 495–496. О калитке не сообщает ни один источник, кроме Льва Диакона.

¹⁶ Wulzinger K. Byzantinische Baudenkmäler zu Konstantinopel. Hannover, 1925, S. 4–28; Janin R. La géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin. T. III. Les églises et les monastères. Paris, 1969, p. 525–529.

В небольшой крепости Джанайер (предположительно — Сусурмания позднеримских и византийских источников) на берегу Черного моря, сооруженной, вероятно, в X–XII вв. (в средневизантийское время, то есть еще до периода Трапезундской империи) ворота увенчаны небольшой церковью бесстолпного типа¹⁷. Этот надвратный храм служит прямым подтверждением того, что на территории Византии (пусть даже потом отколовшейся) надвратные храмы в городах (или крепостях, что практически то же самое) существовали.

Еще один надвратный храм при въезде в город Перник (храм № 5) находим на территории нынешней Болгарии. Исследователи архитектуры датируют этот храм, сохранившийся на уровне ворот, но дающий представление о своем типе и о наличии церкви наверху благодаря сохранившейся апсиде, примыкавшей к воротам и служившей основанием апсиде, стоявшей вверху церкви, XI или XII вв., то есть временем, когда данная территория принадлежала Византии¹⁸.

В небольшой крепости Фуна, расположенной в Таврии, гористой южной части Крыма, где в XIII–XV вв. существовало полунезависимое православное государство, сохранился надвратный храм, датированный 1459 г.¹⁹ Этот бесстолпный храм над воротами с выдающейся сбоку алтарной апсидой служит еще одним свидетельством распространения интересующего нас типа в городах и крепостях Византийского мира.

Очень важно для нашей темы и наличие каменного надвратного храма над воротами ранневизантийской крепости Вавилон в Египте, в Старом Каире²⁰. Исследователь средневековых фортификаций отнес эту крепость к IV–V вв. Если церковь над воротами действительно принадлежит к этому времени, то создание типа надвратного храма следует отнести еще к V–VI вв., то есть к ранневизантийскому времени. Можно было бы предположить, что Золотые ворота Константинополя именно в этот период были осмыслены как христианский памятник, а это осмысление сопровождалось сооружением храма у ворот. Тогда двухбашенные ворота египетского Вавилона — подражание константинопольским Золотым воротам. Но даже если это было так, мы все же

¹⁷ *Bryer Anth., Winfield D.* The Byzantine monuments and topography of the Pontos. Washington, 1985. Vol. I, p. 328–329. Ill. 115.

¹⁸ *Чанева-Дечевска Н.* Църковната архитектура в България през XI–XIV век. София, 1988, с. 123, 126, 130.

¹⁹ *Кирилко В. П.* Надвратная церковь средневекового укрепления Фуна. Датировка и атрибуция // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках. Ростов-на-Дону, 1989, с. 62–73; *Кирилко В. П.* Крепостной ансамбль Фуны (1423–1475 гг.). Киев, 2005.

²⁰ *Toy S.* Castles. Their Construction and History. New York, 1985 (Reprint from: *Toy S.* Castles: A Short History of Fortifications from 1600 B.C. to A.D. 1600. London, 1939), p. 43–44.

должны констатировать, что образ ворот (воротной башни с аркой), над которыми стоит ничем не защищенный православный храм, оформился, скорее всего, в начале средневизантийского периода. Этот образ, несомненно связанный программно с Золотыми воротами Константинополя, оформился не в них самих (мы должны повторить, что не знаем, стоял ли когда-нибудь над аркой этих воротами храм), а в подражаниях им, в храмах над воротами в морских стенах Константинополя или над воротами других городов Византии. Египет был захвачен арабами в VII в. (642 г.); понятно, что храм над воротами Вавилона появился до этого времени, но, может быть, не в IV–V вв., а немного позже, уже в начале VII в. (но после осады Константинополя аварами в 619 г., когда храм у Золотых ворот уже упомянут), как раз непосредственно в виду арабской, мусульманской опасности.

На Руси надвратный храм в линии городских укреплений появился, как мы видели из анализа «Слова о законе и благодати» и соответствующего рассказа «Повести временных лет», около 1037 г. — это был включенный в программу подражания Новому Иерусалиму (Константинополю) и создания еще одного Нового Иерусалима храм Благовещения Богоматери над Золотыми воротами Киева²¹. Эти городские ворота с храмом над ними не остались единственным памятником данного типа на Руси. Прежде всего, следует сказать о том, что вполне вероятно, что они не были и первым памятником этого типа. Дело в том, что уже при князе Владимире у детинца Киева имелись каменные ворота, найденные археологами (так называемые «ворота города Владимира»)²². Почему над этими воротами не могло быть каменного храма? Если он все же был, то идея Киева как Нового Иерусалима была оформлена уже при Владимире (Десятинная церковь — ворота), а при Ярославе Мудром она была лишь развита и усложнена.

²¹ Об этом памятнике, храм над которым не сохранился и известен только по письменным источникам и гравюрам XVII в., когда он уже был в развалинах, см.: Корж Е. Д. Золоті ворота в Києві // Архітектурні пам'ятники. Київ, 1950, с. 18–26; Каргер М. К. Древний Киев. Т. II. М.–Л., 1961, с. 237–249; Асеев Ю. С. Золоті ворота Києва та Єпископські ворота Переяслава // Вісник Київського Університету. 1967. № 8. Серія історії та права. Вип. 1, с. 45–54; Висоцький С. О., Лопушинська Е. І., Холостенко М. В. Архітектурно-археологічні дослідження Золотих воріт у Києві у 1972–1973 рр. // Археологічні дослідження стародавнього Києва. Київ, 1976, с. 63–85; Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982, с. 15–16; Висоцький С. А. Золотые ворота в системе оборонительных укреплений древнего Киева // Древнерусский город (Материалы Всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию города Киева). Киев, 1984, с. 24–29. См. также: Никитенко М. Феномен надвратных храмов Киева // Давньоруське любомудріє. Тексти і контексти. Київ, 2006, с. 330–342.

²² Самойловський І. М. Міська брама X ст. у Києві // Археологія. 1965. Т. 19, с. 183–187; Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982, с. 11.

В 1089 г. епископ Переяславля (Южного или Русского) Ефрем заложил каменные городские укрепления Переяславля, а также каменные ворота, над которыми построил храм святого мученика Федора: «Заложил церковь на воротех градных во имя святого мученика Федора, и по сем стаго Андрея церкви от ворот, и строенье банное каменно, сего же не бысть преже в Руси, и град бе заложил камен от церкви святого мученика Федора»²³. Церковь Федора «на воротех градных» была найдена археологами, от нее сохранилось основание воротной башни, над которой стоял небольшой, судя по размерам ворот, храм (видимо бесстолпный), а также небольшое примыкающее помещение, в котором находилась лестница наверх, в церковь²⁴. Отметим редкое посвящение храма не Богородице, а святому мученику, связанное, по всей видимости, с тезоименитством одного из князей Переяславской ветви Рюриковичей. В Переяславле с 1094 г. правил князь Владимир Всеволодович Мономах (с христианским именем Василий и отчеством Андреевич)²⁵. Старшим сыном Мономаха был князь Мстислав (Великий), родившийся 1 июня 1076 г. и носивший христианское имя Федор²⁶. Его небесному покровителю и был, видимо, посвящен каменный надвратный храм Переяславля. Что представлял собой упомянутый в летописи храм святого Андрея «от ворот» — неясно, но «от ворот» должно, по всей видимости, означать «у ворот». Не было ли второго, на этот раз привратного храма в Переяславле?

В 1158–1164 г. вместе с Золотыми воротами Владимира на Клязьме по заказу князя Юрия Долгорукого была создана надвратная церковь Ризоположения (Положения Риз)²⁷. Золотые ворота Владимира, по всей видимости, копируют напрямую Золотые ворота Киева: идея соперничества и переноса топографических реалий, без сомнения, присутствовала во Владимире. Однако при сооружении Владимира имелся в виду, вероятно, не только Киев, но и сам Константинополь. Об этом говорит посвящение храма над Золотыми воротами Владимира: храм тоже посвящен Богородице, но не Благовещению, как в Киеве, а Ризоположению, то есть празднику, отмечавшему чудесное спасение Константино-

²³ ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стлб. 208–209.

²⁴ Асеев Ю. С. Золоті ворота Києва та Єпископські ворота Переяслава // Вісник Київського Університету. 1967. № 8. Серія історії та права. Вип. 1, с. 54–58; Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982, с. 33. См. также очерк строительства Ефрема Переяславского в кн.: Хрусталева Д. Г. Разыскания о Ефреме Переяславском. СПб., 2002, с. 56–68.

²⁵ Рапов А. П. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977, с. 137–139.

²⁶ Там же, с. 139–140; Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. II–III. М., 1995, с. 91.

²⁷ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. I. М., 1961, с. 128–149; Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982, с. 56.

поля от той самой осады города аварами в 619 г., а также победе над русами в 860 г. (здесь получалась еще и связь с историей Руси). Эта связь с Константинополем и с заступничеством Богоматери (которой был посвящен как Константинополь, так и Владимир)²⁸ заставляет думать о прямой связи: Новый Иерусалим — город Богоматери (тоже воспринимаемый как Новый Иерусалим) — надвратный храм с богородичным посвящением.

Храм Ризоположения над Золотыми воротами Владимира был увенчан четырехстопным одноглавым храмом типа «вписанный крест», что выделяет этот памятник среди большинства бесстолпных надвратных храмов. Большие размеры Золотых ворот Киева тоже позволяют предположить, что Благовещенская церковь над ними была четырехстопной типа «вписанный крест». Помимо двух названных примеров, достоверного во Владимире и вероятного над Золотыми воротами в Киеве, только в Троицкой надвратной церкви Киево-Печерского монастыря мы встречаем еще один четырехстолпный надвратный храм типа «вписанный крест» средневизантийского периода. Все остальные храмы были бесстолпными — с угловыми столбами («компактный вписанный крест») или с залом, боковые стороны которого были снабжены лопатками.

Еще один городской надвратный храм был в 1196 г. поставлен во Владимире над воротами («у детинца на воротех») каменного Детинца, заложенного в 1194 г.²⁹ На этот раз надвратный храм был посвящен Иоакиму и Анне, родителям Богоматери. Этот храм как бы углублял и развивал идею заступничества Богоматери, а также вносил множественность в образ Владимира как Нового Иерусалима: теперь град защищали и осеяли уже две надвратные церкви (напомним, что в Киеве могло быть такое же соотношение храма над воротами внутреннего города и храма над Золотыми воротами внешнего города). Храм, судя по небольшим размерам ворот под ним, был бесстолпным.

В 1195 г., теперь уже в Новгороде, на севере Руси, появился еще один надвратный храм: новгородский архиепископ Мартирий выстроил (с 4 мая по 2 августа) над воротами новгородского Детинца со стороны реки Волхов каменный надвратный храм Положения Пояса Богороди-

²⁸ Лихачев Д. С. «Пирогощая» «Слова о полку Игоревом» // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игоревом» и культура его времени. Л., 1985, с. 270–287. Здесь же приведена подборка из текстов, в которых Богоматерь отождествляется с градом, стеной и дверью. См.: «стена нерушимая», «разоряемых стена», «град непоколебимый, стена необоримая», «дверь златокованая». — Там же, с. 276.

²⁹ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. I. М., 1961, с. 446–457; Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982, с. 52–53.

цы «иже в Халкопатии»³⁰. В 1196 г. по заказу того же архиепископа Мартирия церковь Положения Пояса была расписана неким Грьцином Петровичем³¹. Посвящение этого храма так же связано с Константинополем, как и посвящение храма над Золотыми воротами Владимира Ризоположению: праздник Положения Пояса Богородицы связан с еще одной богородичной градозащитной реликвией Константинополя (византийские авторы подчеркивали градозащитную роль пояса Богородицы: «воспеваю твой священный пояс, который служит твоему граду защитным поясом, о Дева, стеной, окружающим укреплением, в котором нет ни одной бреши»; «о почитаемый пояс, который окружает град и хранит его неприкосновенным для вторжений варваров»; «по вся же времена, в нашествие иноплемеников, взимающее той (пояс), обложажу по стенам града, прилагающее тому твердо ограждение заступлением Богородице, варвары же, не терпящее побеждения, вьскоре отбегаху»)³². Реликвии Ризы и Пояса Богородицы хранились в расположенных неподалеку богородичных храмах Царьграда: пояс Богородицы в Халкопатийском храме, а риза Богородицы (и один фрагмент пояса Богородицы) — в знаменитой базилике Богородицы во Влахернах. Следует отметить, что ни Халкопатийская базилика, ни храм во Влахернах никак не могли рассматриваться как надвратные, это были крупные отдельно стоящие святилища, но в сознании византийцев, после осад и заступничества Богородицы, к помощи которой обращались именно в этих храмах, стоявших у самых стен (а в первоначальный период и вне стен), эти храмы могли восприниматься если не как надвратные, то как привратные, как освященные божественной силой и заступничеством башни городской стены. Так что после постройки надвратного храма в 1196 г., напоминавшем о Халкопатийской базилике и ее святыне, а также при учете того, что сочетание святилища Богородицы с собором Софии образовывало похожие иеротопические связи, Новгород тоже становился еще одним подобием Константинополя — еще одним Новым Иерусалимом. Храм Положения Пояса в новгородском Детинце не сохранился, вероятнее всего он был бесстолпным — как все другие известные по архитектурно-археологическим данным надвратные храмы Новгорода XII–XV вв.

Мы можем проследить некоторую последовательность перенесения топов Константинополя — Нового Иерусалима в русские города. Кажется что для иеротопического перенесения образа Царьграда — Нового Иерусалима нужно было, по мнению составителей программ таких перенесений, наличие «пары» храм Софии Премудрости Божи-

³⁰ НПЛ, с. 41–42, 234.

³¹ НПЛ, с. 42, 235.

³² См. очерк в книге: *Шалина И. А.* Реликвии в восточнохристианской иконографии. М., 2005, с. 275–348. Приведенные цитаты на с. 290.

ей — надвратный храм с посвящением Богородице. Такую ситуацию мы видим в Киеве и Новгороде (в первом София и церковь Благовещения возникли одновременно, во втором к уже существовавшей Софии архиепископ Мартирий «добавил» надвратный храм Пояса Богородицы). В случае Владимира мы видим другую «пару»: Успенский храм, напоминающий о константинопольском святилище Богородицы во Влахернах, и надвратный храм с посвящением Богородицы. Если верно наше предположение о том, что Киев и при князе Владимире имел надвратную церковь, то в этом раннем Киеве также был храм с богородичным посвящением (Десятинная церковь) и надвратная церковь, тоже посвященная Богородице. В этом случае Владимир копирует ранний образ Киева — Нового Иерусалима.

В дальнейшем идея сооружения над воротами города храмов получает в Новгороде развитие: здесь в XIII–XV вв. еще над четырьмя воротами были сооружены надвратные церкви. Всего к XV в. в Детинце Новгорода было 5 ворот с надвратными храмами: Пречистенские (с храмом Положения Пояса), Воскресенские, Владимирские (кажется, что церковь князя Владимира сменила церковь Федора, стоявшую над теми же воротами; мы предполагаем, что Федоровские и Владимирские ворота были расположены на одном месте), Покровские и Спасские. Две воротные башни XV в. с примыкавшими изнутри Детинца надвратными храмами раскопаны М. Х. Алешковским, у одного из храмов, святого князя Владимира, сохранилась апсида первого яруса, примыкавшая к воротам (как у надвратных храмов в городе Перник и в крепости Фуна, апсида собственно храма стоит над этой апсидой при воротах)³³.

Первый надвратный храм новгородского Детинца, церковь Положения Пояса 1195 г., был возведен над восточными воротами, ведущими на Великий мост; этот храм, как уже говорилось, украшал въезд в Детинец из-за Волхова, с Торговой стороны. Эти ворота с храмом над ними воспринимались, видимо, как главные ворота Детинца. В 1464 г. архиепископ Иона 3 июня на месте старой церкви «обложи» новую надвратную церковь Положения Пояса, причем летописец замечает, что «старая порушилась»³⁴.

Второй надвратный храм новгородского Детинца, церковь Федора 1233 г., располагался с севера, со стороны Неревского конца³⁵. Посвя-

³³ Алешковский М. Х. Новгородский Детинец 1044–1430 гг. (по материалам новых исследований) // Архитектурное наследство. Вып. 14. М., 1962, с. 3–26; Кузмина Н. Н., Филиппова Л. А. Крепостные сооружения Новгорода Великого. СПб., 1997, с. 7–41.

³⁴ ПСРЛ, Т. 16. С. 217.

³⁵ НПЛ, с. 72: «В то же лето заложена бысть церкы на воротех от Неревьскаго конца святии Феодор»; НПЛ, с. 282: «В то же лето заложена бысть церкви на воротех от Неревьскаго конца святого Федора».

щение этого храма, возможно, носило мемориальный характер и было связано с кончиной в этом же году новгородского княжича Федора, сына князя Ярослава Всеволодовича³⁶.

Третий же надвратный храм, церковь Воскресения 1296 г.³⁷, был выстроен архиепископом Климентом над западными воротами Детинца, стоявшими «напротив» ворот с храмом Положения Пояса и создающими с этими последними поперечную, западно-восточную ось Детинца. Эти ворота в более позднее время выходили на Легощую (Людогощую) улицу. Надвратный храм Воскресения 1296 г. простоял не очень долго: в 1398 г. он был выстроен заново архиепископом Иоанном³⁸.

В 1305 г. посадник Семен Климович поставил четвертый надвратный храм новгородского Детинца: каменную церковь Покрова; летописи отмечают, что церковь Покрова располагалась «на воротах от Прусской улицы»³⁹. Уже в 1389 г. посадник Григорий Якунович поставил над воротами Детинца новую церковь Покрова⁴⁰.

В 1311 г. строительство надвратных храмов в Детинце продолжает архиепископ Давид, построивший на воротах Детинца со стороны Неревского конца церковь святого князя Владимира, едва ли не первый на Руси храм, посвященный равноапостольному князю⁴¹. Владыка Давид продолжает украшение и освящение ворот Детинца надвратными храмами вслед за владыкой Климентом (построившим церковь Воскресения 1296 г.) и боярином с Прусской улицы (построившим церковь Покрова 1305 г.). Этот надвратный храм Детинца возведен со стороны Неревского конца, что особенно отмечено летописью. Вероятнее всего, храм князя Владимира был поставлен на месте ворот с надвратной церковью Федо-

³⁶ НПЛ, с. 72: «Том же лете преставися князь Феодор, сын Ярославль вячшии, июня в 10, и положен бысть в монастыри святого Георгия, и еще млад. И кто не пожалует сего: сватба пристроена, меды изварены, невеста приведена, князи позвани; и бысть в веселия место плачь и сетование за грехи наши. Нь, господи, слава тебе, цесарю небесный, извольшу ти тако, нь покои его с всеми праведными»; НПЛ, с. 282: «Того же лета преставися князь Федор, сын Ярославль болшии, месяца июня в 10, на память святого отца Тимофея в пяток в 1 час дни, и положен бысть в монастыри святого Георгия. И кто не пожалует сего, еще бо млад сын, уже бо свадьба пристроена бе, меды сварены, невеста приведена, а князи призвании, и бысть в веселия место плачь и сетование за грехи наша. Нь, господи, слава тебе, цесарю небесный, изволивый тако, и покои его с всеми праведными».

³⁷ НПЛ, с. 328; ПСРЛ 4-1-3; ПСРЛ 4-2-1, с. 236; ПСРЛ, т. 16, с. 56.

³⁸ НПЛ, с. 393; НЗЛ, с. 233; ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 382; ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 3, с. 605; ПСРЛ, т. 4, с. 141; ПСРЛ, т. 16, с. 142; ПСРЛ, т. 11–12, с. 171.

³⁹ НПЛ, с. 92, 332; НЗЛ, с. 223; ПСРЛ 4-1-1, с. 252–253; НЗЛ, с. 239; ПСРЛ 16, с. 57.

⁴⁰ НПЛ, с. 383; ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 1, с. 351; ПСРЛ, т. 4, с. 139; ПСРЛ, т. 16, с. 134.

⁴¹ НПЛ, с. 93, 334; НЗЛ, с. 223; ПСРЛ 4-1-1, с. 254; ПСРЛ 4-1-3, с. 601; НЗЛ, с. 240–241; ПСРЛ 16, с. 59. 2-я Новгородская летопись относит постройку надвратного храма к 1310 г. — НЗЛ, с. 130.

ра, построенной в 1233 г. (они тоже располагались со стороны Неревского конца). В 1461 г. надвратный храм Владимира на воротах Детинца со стороны Неревского конца был выстроен заново, причем летописец отмечает, что «старая изрушилась»⁴² (речь идет о храме 1311 г.). В том же 1461 г. 6 сентября (это уже 6970 г. по летописной хронологии, тогда как храм начат еще в 6969 г.) храм Владимира был освящен самим архиепископом Ионой, причем летопись отмечает, что он ее «сам создал», то есть был заказчиком этой заметной постройки Детинца⁴³. Наконец, в 1426 г. над воротами, ведущими к Людину концу, была поставлена церковь Спаса, пятый надвратный храм Детинца⁴⁴.

Итак, всего в новгородском Детинце к концу первой четверти XV в. было 5 надвратных церквей. В результате ориентировавшегося на южнорусскую и византийскую традицию строительства надвратных храмов Детинца⁴⁵ эта часть Новгорода, его ядро, приобрела вид крепости с многобашенным и многоглавым завершением, крепости, осененной надвратными храмами. Это был оформленный архитектурно образ Нового Иерусалима, православного многобашенного и многоцерковного города⁴⁶, осиянного благодатью. В результате последовательного применения типа надвратного храма Новгород приобрел вид более «сложный», чем Киев и Владимир. Возможно, мы имеем дело с сознательным подражанием и реальному Константинополю (с его Золотыми воротами и надвратными храмами со стороны моря) и воображаемому, чаемому Новому Иерусалиму.

Надвратные храмы Детинца Новгорода были местами торжественных встреч именитых гостей, а также важнейшими точками крестных ходов, отправлявшихся из Софийского собора через те или иные ворота в тот или иной район города. Вот как описывает автор «Хождения на Флорентийский собор» сцену встречи митрополита Исидора в Новгороде архиепископом Евфимием II: «На утре же въехал въ град месяца октябрья въ 7 день. И сретил его владыка съ кресты, с попы и диаконы,

⁴² ПСРЛ, т. 16, с. 206. *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.–Л., 1938, с. 308 (сообщение Летописца епископа Павла).

⁴³ ПСРЛ, т. 16, с. 206.

⁴⁴ НЗЛ, с. 238; ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 3, с. 606.

⁴⁵ Об этом см.: *Выголов В. П.* Надвратные храмы древней Руси (проблемы эволюции и происхождения) // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Столица и провинция. М., 1994, с. 3–36; *Седов Вл. В.* Надвратный храм: иерусалимские и богородичные аспекты символического замысла // Новые Иерусалимы. Перенесение сакральных пространств в христианской культуре / Материалы международного симпозиума. М., 2006, с. 127–128.

⁴⁶ О том, что именно так воспринимался Новый Иерусалим в православной иконографии см.: *Лидов А. М.* Образ Небесного Иерусалима в восточнохристианской иконографии // Иерусалим в русской культуре. М., 1994, с. 15–25, особенно 17.

и весь народ, и тесноте велице суши народом. И дошед врат града сего, и на вратех церковь, и ту митрополит облечеса в ризы, а с ним владыка Авраамии облечесе. И ту свящали воду, и кропили народ. И идее владыка к святой Софии, и розволокса ту, и того дни пировал у архиепископа Евфимии, и давъ ему честь велию»⁴⁷. В Новгороде известны следующие крестные ходы к надвратным церквам и через них: 1 октября на Покров Богоматери был ход от Софии к надвратной церкви Покрова в Детинце, 23 октября был ход через Воскресенские ворота с надвратным храмом к церкви Якова на Добрыню улицу, 21 декабря на память Петра Митрополита владыка служил в одноименной северной надвратной церкви Владычного двора, 27 января на праздник Иоанна Златоуста владыка ходил на праздник в церковь Иоанна Златоуста на воротах Владычного двора, 6 августа на Преображение был ход от Софии к церкви Спаса-Преображения на воротах Детинца⁴⁸.

Можно сказать, что надвратные храмы стали одними из основных иеротопических пунктов сакральной топографии Новгорода. По всей вероятности, они играли такую же роль и в Константинополе — Царьграде — Новом Иерусалиме.

В XIV–XV вв. кроме Новгорода надвратные храмы в городах появляются редко: в Твери при князе Борисе Александровиче (1425–1461) над воротами городских укреплений поставили храм Входа в Иерусалим⁴⁹, а в Можайске в неизвестное время над городскими воротами воздвигли храм Воздвижения, в котором хранилось знаменитое резное изображение Николая Чудотворца (каменный надвратный храм зафиксирован в описи Можайска 1596–1598 гг.)⁵⁰. Надвратный храм Николая Чудотворца был и в кремле Астрахани 1588–1589 гг.

В середине XVI в. при строительстве каменного города (Кремля) в Казани, завоеванной у мусульман в 1552 г., власти Московского государства воспроизвели иконографическую схему Новгородского Детин-

⁴⁷ «Хождение на Форентийский собор» // Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1981, с. 468.

⁴⁸ Голубцов А. Чиновник Новгородского Софийского собора. М., 1899, с. 37, 45, 72, 96, 137. См. также: Макарий, архимандрит. Древние церковные обряды в Новгороде по указанию письменного архиерейского Чиновника или Устава // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских. 1861. Январь — март. Кн. 1. М., 1861, с. 1–44.

⁴⁹ «Инока Фомы слово похвальное» // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982, с. 292–294. См. также: Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. II. М., 1962, с. 396.

⁵⁰ Сергеева-Козина Т. Н. Можайский кремль. 1624–1626 гг. (Опыт реконструкции) // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 31. Крепостные сооружения Древней Руси. М., 1952, с. 352. Изображение ворот см.: Градостроительство Московского государства XVI–XVII вв. М., 1994, с. 167.

ца (а через нее — и Нового Иерусалима)⁵¹. Эта схема показалась уместной для новозавоеванного города, который должен был стать новой христианской столицей края. Над воротами Казанского кремля были поставлены храмы Спаса Нерукотворного и Воскресения — как далекий отзвук Константинополя, как отражение Нового Иерусалима.

Посвящение тверского надвратного храма Входу в Иерусалим подчеркивает сложившиеся к тому времени особенности восприятия программы и посвящений надвратных храмов: речь идет о связи между входом Иисуса Христа в Иерусалим через Золотые ворота (которые с тех пор, по легенде, остались затворенными)⁵² и образом надвратного храма. Но эта связь, превращавшая каждый город с надвратной церковью в некое подобие-воспоминание о реальном Иерусалиме (а также мечту об Иерусалиме Небесном), в XVI в. ощущалась иногда как неправильная: «Не оуждай убо, ниже уничижай священный он и Богом изначала возлюбленный... не лишай его нареченного ему свыше священного именованья... ниже ин который град Иеруслим называя и... един есть Иерусалим на земли и едина земля Иудейска, в ней же Христос родися» (Максим Грек). Не связано ли определенное отторжение идеи «умножения Иерусалимов» с тем, что в городах Московского царства надвратные храмы не получили дальнейшего распространения, тогда как «градopodobные» монастыри, Новые Иерусалимы по определению, продолжают эту иконографическую и композиционную тему?

Представление о Новом Иерусалиме как о многобашенном городе с надвратной церковью должно было закрепиться и в посвящении других надвратных храмов. И действительно, мы видим в Воскресенском монастыре, именуемом Новый Иерусалим, возведенном по заказу царя Алексея Михайловича и патриарха Никона, надвратный храм, освя-

⁵¹ Седов Вл. В. Псковская архитектура XVI века. М., 1996, с. 170–216.

⁵² Эта связь хорошо видна в «Инока Фомы слове похвальном», где говорится о сооружении тверским князем Борисом Александровичем надвратного храма в Твери (Памятники литературы Древней Руси, с. 292–294): «Но и инь храмъ устрои самому царю Христу на вратехъ богомъ спасенаго града Тфери. И нарекова же имя храму тому еже „Входъ въ Иерусалимъ“. Но тамо бо входъ господу нашему Иисусу Христу в градъ Иерусалим, и от детей еврейскихъ велику почестъ примь, но яко царемъ израиелевымъ звяхуть его и „осанна в вышнихъ“ вопиахуть ему, и понеже еще мнози не веровахуть в него, и симъ же и ризи свои постилахуть под ногами его по пути. А зде же въсквозе той пречестнейший храм входъ сотворень въ богоспасеный градъ Тферь, но да всяк человекъ входяще и исходяще поклоняется, но почестъ велику и возмездие от бога приимаше пред честнейшимъ темъ храмом и велегласно, яко единими усты въпиющимъ имъ и глаголющимъ: „Многа лета ти, великий князь Борис Александрович, но яко же таковой входъ устроилъ еси въ богоспасеный град Тферь. Но и великое спасение тобою приобретаемъ“».

щенный в честь Входа в Иерусалим⁵³: здесь в монастыре, воспроизводящем топографию Иерусалима и намечающем контуры Нового Иерусалима, над главными воротами возводят храм, напоминающий о входе Иисуса в священный град.

Отдельную группу надвратных храмов, отдельный жанр этого типа составляют надвратные храмы Большого дворца в Константинополе и надвратные храмы дворцов вообще. Источники уделяют довольно много внимания храму Христа над воротами Халки при входе в Большой дворец византийских императоров. Храм над главными воротами дворца появился при императоре Романе I Лекапене (920–944)⁵⁴. Он был освящен 16 августа, в тот же день, когда в Константинополь торжественно внесли Мандилион, захваченный в Эдессе нерукотворный плат с ликом Христа. Следует отметить, что в этот же день праздновалось освобождение Константинополя от осады арабами в 718 г. Так что праздник 16 августа был связан с градозащитной темой, с воротами Эдессы, с Золотыми воротами Константинополя, через которые внесли Мандилион, а также с более ранним чудом спасения от осады⁵⁵. Должны ли мы удивляться, что Фроловскую башню Московского Кремля в XVII в. переименовали в Спасскую, по всей видимости, в соответствии с константинопольскими, византийскими ассоциациями?

В 971 г. император Иоанн Цимисхий (969–976) решил перестроить надвратный храм над воротами Халки: «Как только ясная весна сменила мрачную зиму, император тотчас поднял крестное знамя и стал спешить [с походом] против тавроскифов. Прямо из дворца он отправился помолиться Богу во всеми почитаемый храм Христа Спасителя, находящийся в Халке. Увидев, что место для молящихся слишком узко, ибо там едва могут поместиться пятнадцать человек, а вход извилист, неудобен и походит на витой лабиринт или убежище, [Иоанн] тотчас же приказал перестроить храм от самого основания, расширить и сделать более светлым. Он сам обозначил очертания стен; некое вдохновение внушило ему это усердие и распорядительность, и храм достиг такой красоты и величия, которые присущи ему теперь»⁵⁶.

В следующем 972 г. император Иоанн Цимисхий во вновь построенном храме поместил реликвии из Сирии: «Он подступил к укрепле-

⁵³ Памятники архитектуры Московской области. Т. I. М., 1975, с. 191–192.

⁵⁴ Janin R. La géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin. T. III. Les églises et les monastères. Paris, 1969, p. 529–530.

⁵⁵ Engberg S. G. Romanos Lekapenos and the Mandilion of Edessa // Byzance et les reliques du Christ. Paris, 2004, p. 123–142; Лудов А. М. Святой Мандилион. История реликвии // Спас Нерукотворный в русской иконе. М., 2005, с. 12–39. О храмах Большого дворца см. также: Miranda S. Les palais des empereurs byzantins. Mexico, 1965.

⁵⁶ Лев Диакон. История. М., 1988. , с. 68.

нию, называемому по-сирийски Мемпеце, подчинил его войной и всякими хитростями и взял как дар небес найденные там сандалии Спасителя Христа, а также волосы святого Предтечи и провозвестника. Сандалии он поместил как драгоценное сокровище в знаменитом храме Богоматери, воздвигнутом в императорском дворце, а волосы — в храме Спасителя, который был воздвигнут самим [Цимисхием]⁵⁷. Из того же похода он вывез и другую реликвию, помещенную в том же храме: «Найдя в Верите изображение распятия Христа, он, забрав его оттуда, отправил в построенный им храм Спасителя»⁵⁸.

В 976 г. Иоанн Цимисхий был даже похоронен в сооруженном заново по его заказу надвратном храме: «Почувствовав, что вдруг иссякла его гигантская сила, император поспешил вернуться в Византий: он торопился в построенный им самим храм Спасителя, желая, чтобы как можно скорее был закончен готовящийся для его тела гроб. ...похоронен он был в храме Спасителя при Халке, который он сам пышно воздвиг от самого основания»⁵⁹. Известно, что этот храм стоял над западными воротами Большого дворца, к нему поднимались по открытой лестнице⁶⁰. Храм Христа в Халке мог служить образцом и, видимо, действительно был одним из главных образцов для строительства надвратных храмов Спаса (Нерукотворного), а также для сооружения надвратных храмов при входе во дворцы русских князей и церковных иерархов.

В Большом дворце имелось еще несколько надвратных храмов, представление о которых можно почерпнуть в источниках, касающихся происходивших во дворце событий. На воротах дворца, называвшихся Монотирос, император Василий I Македонянин (867–886) построил часовню Иоанна Богослова, о чем сообщает византийская история Продолжателя Феофана⁶¹.

⁵⁷ Там же, с. 86.

⁵⁸ Там же, с. 87.

⁵⁹ Там же, с. 94.

⁶⁰ Janin R. La géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin. T. III. Les églises et les monastères. Paris, 1969, p. 530.

⁶¹ См. текст в переводе Я. Н. Любарского: «И пирамидовидные здания к западу, равно как и молельня матери Бога — Слова, тоже числят его своим создателем и творцом и над многими другими первенствуют роскошью убранства и новизной. А ниже их, у самых односторчатых ворот стоит прелестнейшая часовня Иоанна Богослова, которую вместе с идущей до Фароса галереей, воздушной, солнцем пронизанной, мрамором выложенной, тот же царь соорудил...». — *Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей*. СПб., 1992, с. 140. Для сравнения см. текст у К. Манго: «Below these, at the very gate called Monothryros, is the very pleasing chapel of John the Evangelist which the same Emperor built along with the sun-bathed walk that is paved with marble and extends as far as the Pharos...» — *Mango C. The Art of the Byzantine Empire. 312–1453*. Toronto–Buffalo–London, 1986, p. 199. В переводе К. Манго яснее обозначено положение храма

Часовня над воротами (или у ворот, что почти одно и то же) упомянута в «Псамафийской хронике» X в. В относящемся примерно к 897 г. рассказе о смерти при выходе из Большого дворца актера Лампудия, нанятого Стилианом Зауцей для очернения монаха Евфимия, говорится: «Выходя со своими друзьями из дворца через Слоновые ворота, где основана часовня Св. мученика Афиногена, внезапно он в судорогах упал на землю и тут же у дворца отдал богу душу»⁶².

Как видим, часовни или храмы над воротами и калитками Большого дворца появились очень рано, еще в IX в. Мы знаем только о трех храмах, но возможно, что их было и больше. Во всяком случае, сам Большой дворец с его возвышавшимися над воротами храмами напоминал город, священный город, Новый Иерусалим. Это было в какой-то степени очищенное и спрессованное подобие самого Константинополя. В тему священного града, находящегося в тонком соотношении с чаемым Небесным Иерусалимом, Большой дворец вписывался как город в городе.

Одним из первых попытался воспроизвести образ Большого дворца один из князей или епископов Чернигова: здесь у княжеского или епископского дворца в Чернигове был надвратный храм (его остатки были найдены археологами между епископским Спасо-Преображенским собором и княжеским Борисоглебским собором). Открытая археологами часть — это ворота, но при раскопках найдены фрагменты фресок, что позволяет предположить наличие храма над аркой ворот⁶³.

В какой-то степени ворота с церковью Иоакима и Анны во Владимире тоже можно воспринимать как дворцовые: они стоят в линии стен, ограждавших епископский собор и княжескую резиденцию. Но мы все же склонны их рассматривать как городские, как ворота детинца.

Особенно интересен в связи с темой дворцовых надвратных церквей Владычный двор Новгороде⁶⁴. Здесь стараниями нескольких архиепископов внутри Детинца, рядом с Софийским собором, был создан дворец, напоминавший, на наш взгляд, Большой дворец в Константи-

над воротами: «Кроме того, на воротах, называемых Монотирос, тот же император воздвиг прекрасную церковь Иоанна Евангелиста — в начале мощеного мрамором прохода, ведущего до Фароса».

⁶² Две византийские хроники X века. М., 1959, с. 43. См. также примечание 10 на с. 98.

⁶³ Богусевич В. А. Раскопки в Чернигове // Краткие сообщения института археологии. Вып. 4. Киев, 1955, с. 9–10. План см.: Карнабед А. А. Новые данные о памятниках Чернигова XI–XII вв. // Древнерусское искусство. Художественная культура X — первой половины XIII в. М., 1988, с. 32. О ситуации в архитектуре древнерусского Чернигова см.: Седов Вл. В. Архитектурный портрет древнерусского Чернигова // Искусствознание. 2/06. М., 2006, с. 5–19.

⁶⁴ См. единственную монографию, дающую основные сведения: Гордиенко Э. А. Владычная палата новгородского кремля. Л., 1991.

нополе. В композиции Владычного двора значительную роль играли надвратные храмы.

Первый надвратный храм появился на Владычном дворе в 1416 г., это был каменный храм Петра Митрополита, поставленный по заказу архиепископа Симеона⁶⁵. Впрочем, этот храм 1416 г. летописи не называют надвратным, может быть, он стал надвратным позднее?

Основную часть надвратных храмов новгородского Владычного двора выстроили уже при архиепископе Евфимии II и при его преемнике архиепископе Ионе. В 1435 г. по повелению архиепископа Евфимия II был построен храм Иоанна Златоустого на воротах Владычного двора⁶⁶. Этот храм упал сразу после окончания строительства и был выстроен снова в следующем, 1436 г.⁶⁷

В 1437 г. по заказу того же Евфимия II взамен разобранного старого был построен храм Петра митрополита на воротах владычного двора⁶⁸ (из этого сообщения и делается вывод о том, что храм 1416 г. был надвратным, хотя это мог быть только храм у ворот, смененный в 1437 г. на надвратный). В «Повести о Евфимии» так живописно описывается созданный им владычный двор, который имел «врата подобны градским улицам»: «темже блаженный Еуфимие, съзида палаты пречюдны, аще и где инде преходы имущи и врата подобны градским улицам, овы тамо, ины же инамо, овы горнейши и ины же дольнейши, она предняя, иная же средняя, иная же инамо, но оубо сия писанием сказати немощно, аще не искус наоучит, иже своима очима видевши»⁶⁹.

В 1459 г.⁷⁰ или, по другим летописям, в 1461 г.⁷¹ или даже в 1463 г.⁷² над еще одними воротами владычного двора по заказу архиепископа Ионы была выстроена церковь Сергия Радонежского. Этот храм частично сохранился до нашего времени, это бесстолпная церковь с полукруглой апсидой, поставленная на воротную башню с арочным проходом, перекрытым коробовыми сводами на арках⁷³.

⁶⁵ НПЛ, с. 407; ПСРЛ 4-1-2, с. 415; ПСРЛ 16, с. 164.

⁶⁶ НПЛ, с. 418; ПСРЛ 4-1-2, с. 434–435; ПСРЛ 16, с. 180.

⁶⁷ НПЛ, с. 418; ПСРЛ 4-1-2, с. 435; ПСРЛ 16, с. 180.

⁶⁸ НПЛ, с. 419; ПСРЛ 4-1-2, с. 435–436; ПСРЛ 16, с. 180–181.

⁶⁹ Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып. 4. СПб., 1862, с. 20.

⁷⁰ ПСРЛ 16, с. 199.

⁷¹ НЛ, с. 141

⁷² ПСРЛ 4-1-2, с. 456, 498. О создании храма упоминает и «Повесть о Ионе», см.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып. 4. СПб., 1862, с. 33.

⁷³ Единственная публикация об архитектуре памятника: *Штендер г. М.* Церковь Сергия Радонежского в новгородском кремле — памятник политической жизни последнего

Двор новгородских архиепископов, созданный в 1430-х — 1460-х гг., имел, таким образом, три надвратных храма. Он напоминал сразу и сам новгородский Детинец с его пятью надвратными храмами, и Большой дворец византийских императоров с его многочисленными надвратными храмами. Таким образом, Новгород получался двойным «списком» с Константинополя: и как град (детинец) и как дворец внутри (Владычный двор). Образ Нового Иерусалима сказался здесь с большой полнотой и последовательностью. В дальнейшем этот образ (через посредство каких-то знаний или воспоминаний о Большом дворце) повлияет и на создание во второй половине XVII в. ростовским митрополитом Ионой знаменитого Ростовского митрополичьего дома, или Кремля, с его двумя надвратными храмами⁷⁴.

Не менее важную роль в иконографии и топографии византийских надвратных храмов играют подобные памятники в монастырях. На территории самой Византии надвратные храмы были. Это были именно храмы над воротными башнями, а не только храмы в верхних этажах монастырских донжонов, пиргов, в которых собственно храм никак архитектурно не выделялся⁷⁵.

На территории самой Византии нам известно только четыре надвратных храма в монастырях, но их было, вероятно, намного больше.

Небольшой надвратный храм был, по нашему мнению, найден французской археологической экспедицией на территории рядом с монастырем Георгия в Манганах в Константинополе. Эта постройка не была интерпретирована как храм, но примыкавшая к коленчатому проходу ориентированная на восток апсида свидетельствует о существовании еще одного храма (часовни?) над одной из «калиток» императорского придворного монастыря. Это сооружение относится, судя по всему, к средневизантийскому времени⁷⁶.

этапа Новгородской республики // Проблемы истории Новгорода и Новгородской земли XV в. Новгород, 1986, с. 28–30. О комплексе см.: *Воронин Н. Н.* Ростовский «кремль» // Из истории докапиталистических формаций. Сборник статей к сорокалетию научной деятельности Н. Я. Марра. М.–Л., 1933, с. 655–680. Автор приходит к выводу о том, что «доминанта надвратной церкви над декоративно-крепостной стеной и есть определяющий признак стиля ростовского кремля». — Там же, с. 674.

⁷⁴ *Седов Вл. В.* Два сюжета, связанных с архитектурой храма Спаса на Сенях Ростовского Архиерейского дома // Ростовский Архиерейский дом и русская художественная культура второй половины XVII века (материалы конф. 21–23 сентября 2005 г.). Ростов, 2006, с. 17–26.

⁷⁵ О храмах в пиргах афонских и других византийских монастырей Греции см.: *Ορλανδος Α. Κ.* Μοναστηριακή αρχιτεκτονική. Αθήνα, 1927, р. 80–85. О храмах в пиргах и воротных башнях сербских монастырей см.: *Попович С.* Крст у кругу. Архитектура манастира у средњовековној Србији. Београд, 1994, с. 127–240.

⁷⁶ *Demangel R., Mamboury E.* Le quartier des Manganes. Paris, 1939, р. 35–37.

Существует надвратный храм Иоанна Крестителя в Великой Лавре на Афоне, это небольшой купольный храм, стоящий над внутренними воротами обители⁷⁷. Датировка этого памятника нам неизвестна, судя по характеру кладки, видимому на фотографии, он принадлежит к поздневизантийскому времени, к XIII–XIV вв.

В другом монастыре на Афоне, Ивиране, или Иверском, у ворот находится не столько надвратная, сколько привратная церковь Богородицы Вратарницы (Портаитиссы), одноглавный храм «на четырех колонках». Этот храм был выстроен еще в средневизантийское время (в X в.?), но обновлен и, видимо, серьезно перестроен при валашском господаре Иоанне Кантакузине в 1680–1683 гг.⁷⁸ Средневизантийское происхождение привратного храма, посвященного иконе Богоматери Вратарницы, несомненно.

Еще один монастырский храм, сооруженный в XI в., предположительно можно считать надвратным: он расположен на юго-западном углу монастыря святого Луки в Фокиде. С. Попович считает этот храм церковью над источником, но с той же вероятностью его можно считать надвратным — над калиткой⁷⁹.

В христианских государствах византийского мира (помимо Руси) тоже есть несколько надвратных церквей. В Армении, в области Сюник, в Татевском монастыре в конце XI в. (1087 г.) по заказу настоятеля монастыря епископа Григора была сооружена надвратная церковь Богородицы (Аствацацин). Это небольшой бесстолпный купольный храм зального типа, поставленный над воротами, рядом с которыми помещается небольшая усыпальница⁸⁰.

⁷⁷ *Ορλανδος Α. Κ.* Μοναστηριακή αρχιτεκτονική. Αθήνα, 1927, р. 80.

⁷⁸ Историю этого надвратного храма в Ивероне см.: *Григорович-Барский В.* Второе посещение святых Афонской горы Василия Григоровича-Барского им самим описанное. М., 2004, с. 135–150.

⁷⁹ *Popović S.* The architectural Iconography of the Late Byzantine Monastery. Toronto, 1997, р. 14, ill. 11.

⁸⁰ *Якобсон А. Л.* И истории армянской средневековой архитектуры. III. Татевский монастырь // Советская археология. IX. 1947, с. 315–316 (датировал XIII в.); *Халпахчьян О. Х.* Архитектурные ансамбли Армении. М., 1980, с. 163–168; *Арутюнян В. М.* История армянской архитектуры. Ереван, 1992, с. 209–215 (о надвратной церкви — с. 213, табл. 57 (обмерные чертежи по г. Агабабяну). По сообщению Степаноса Орбеяна (XIII в.), надвратная церковь Сурб Аствацацин (Богородицы) построена настоятелем монастыря, епископом Григором в 1087 г. Размеры в плане — 5,2×7,3 м); *Мнацаканян С. Х.* Сюникская школа армянской архитектуры. Ереван, 1960, с. 188–194 (о надвратной церкви), рис. 111–116. Церковь возведена над структурой, состоящей из мавзолея и сводчатого входа в монастырь. Приводит сообщение о строительстве епископом Григором. При землетрясении 1931 г. очень пострадала и вскоре разрушилась вся верхняя часть церкви.

В Грузии в монастыре Гелати обнаруживаем небольшой надвратный храм Николая (купольный бесстолпный храм типа «компактный вписанный крест»), сооруженный, судя по архитектуре, в конце XIII — начале XIV в.⁸¹

На территории нынешней Болгарии в период Второго Болгарского царства (XIII–XIV вв.) в Бачковском монастыре был построен надвратный храм Святых Архангелов — бесстолпный купольный храм типа «компактный вписанный крест» с притвором⁸².

Кажется, что из этого круга памятников, прежде всего — из чисто византийских, и выросла древнерусская традиция строительства надвратных монастырских храмов. Древнейший памятник этого типа — церковь Троицы, поставленная около 1106 г. над Святыми воротами Киево-Печерского монастыря⁸³. Это четырехстолпный одноглавый храм типа «вписанный крест», поставленный над башней с тремя воротами — более широким проездом в середине и узкими проходами по сторонам. Не было ли такое трехчастное решение отзвуком Золотых ворот Константинополя, имеющих такую же композицию, унаследованную от одного из типов римских триумфальных арок?

Небольшой и, по всей видимости, бесстолпный храм стоял над воротами Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве: остатки стен по сторонам воротного проезда и примыкавшей с востока апсиды недавно обнаружили украинские археологи. Этот памятник датируется по стратиграфическим данным и формату плинфы 1170–1180-ми гг.⁸⁴

Еще один надвратный храм был сооружен в XII–XIII вв. в Спасском монастыре в Чернушках в Смоленске: этот памятник, изображенный на гравюре начала XVII в., был исследован археологически, хотя и не совсем полно.⁸⁵

Отдельно следует рассмотреть надвратные храмы монастырей в Новгороде, в котором монастырские надвратные храмы как будто перекликались с надвратными храмами городской цитадели, Детинца, иллюстрируя две стороны идеи надвратного храма: и городскую, триумфальную, и зависимую от нее монастырскую, в которой в не меньшей степени сказываются поиски и видения Небесного Иерусалима.

⁸¹ Мепишавили Р. Архитектурный ансамбль Гелати. Тбилиси, 1966, с. 35–37, 106–122.

⁸² Чанева-Дечевска Н. Църковната архитектура в България през XI–XIV век. София, 1988, с. 119, 125–126.

⁸³ Каргер М. К. Древний Киев. Т. II. М.–Л., 1961, с. 370–374; Комеч А. И. Древнерусское зодчество конца X — начала XII в. М., 1987, с. 280–283.

⁸⁴ Ивакин Г. Ю. Исследования Михайловского Златоверхого монастыря // Новгородские археологические чтения. Великий Новгород, 2004, с. 276–285.

⁸⁵ Каргер М. К. Зодчество древнего Смоленска (XII–XIII вв.). Л., 1964, с. 24, 28; Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л., 1979, с. 269–273.

Первым в Новгороде был построен каменный храм Спаса (Преображения) над воротами Юрьева монастыря: он был заложен в 1166 г., а освящен в 1173 г.⁸⁶ В 1297 г. храм Спаса-Преображения был выстроен заново по заказу монастырского игумена Кирилла⁸⁷. Основания этой постройки до сих пор не найдены.

Второй каменный надвратный храм в Новгороде появился тоже в монастыре: это был выстроенный по заказу архиепископа Ильи (Иоанна) и его брата Гаврилы храм Богоявления над воротами Благовещенского монастыря (на Мячине). Церковь Богоявления была заложена в 1180 г., а закончена в 1182 г.⁸⁸ Этот храм располагался в 40 м к северу от монастырского собора, его основания открыты во время археологических работ 2005–2006 гг.: обнаружены ворота, над которыми стояла церковь, по всей видимости, бесстолпная⁸⁹. Ворота и храм над ними были выстроены в 1447 г. заново «по старой основе» (с сохранением габаритов плана и основных форм)⁹⁰.

Третьим храмом был деревянный храм Иоанна Милостивого над воротами Воскресенского монастыря Людина конца, срубленный в 1193 г.⁹¹

Четвертым надвратным храмом был храм Симеона Дивногорца, по всей видимости, деревянный, выстроенный боярином Твердиславом Михалковичем в родовом Успенском Аркаже монастыре в 1206 г.⁹²

Нам известно (по летописным данным) еще по крайней мере о четырех каменных монастырских надвратных храмах Новгорода XIV–XV вв. В 1365 г. по заказу архиепископа Алексея был построен храм Сретения на воротах Антонова монастыря⁹³. В 1410 г. по заказу архимандрита Варлаама был сооружен надвратный храм Варлаама Хутынского «во вратех» Лисицкого монастыря⁹⁴. Несколько позже, в 1417 г. был возведен первый надвратный храм Хутынского монастыря — храм святого Антония⁹⁵. Второй надвратный храм в том же Хутынском мо-

⁸⁶ НПЛ, с. 32, 34, 219, 223.

⁸⁷ НПЛ, с. 328. См. также: НЛ, с. 221 — «Того же лета игумен Георгиевской Кирилл постави церковь камену святого Преображения Господня, на воротех от Людина конца, во своем Георгиеве монастыре, от Новагорода три поприща»; ПСРЛ 4-1-1, с. 249–250; ПСРЛ 4-1-3, с. 601.

⁸⁸ НПЛ, с. 36, 37, 226, 227.

⁸⁹ Седов Вл. В., Вдовиченко М. В., Мерзлютина Н. А., Пежемский Д. В. Архитектурно-археологические исследования Благовещенского монастыря на Мячине в 2005 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2006, с. 46–52.

⁹⁰ ПСРЛ, Т. 16, с. 190.

⁹¹ НПЛ, с. 41.

⁹² НПЛ, с. 50, 246–247.

⁹³ НПЛ, с. 369; ПСРЛ 4-1-1, с. 291

⁹⁴ НПЛ, с. 402.

⁹⁵ Н4Л, с. 407; ПСРЛ Т. 16, с. 164.

настыре, церковь Ильи Пророка, был построен в следующем, 1418 г.⁹⁶ И наконец, в 1419 г. в Никольском Вяжищском монастыре была построена деревянная надвратная церковь Антония Великого⁹⁷, которую в 1450–1460-е гг. заменили на каменную: в 1466 г. надвратная церковь Антония была расписана⁹⁸, то есть уже была каменной.

С точки зрения простого объема строительства каменных надвратных церквей Новгород занимает лидирующее положение на Руси и превосходит в домонгольское время такие крупные центры, как Киев и Владимир. А в XIII–XV вв. именно Новгород и, за исключением Твери и Можайска, только Новгород был своеобразным «хранителем» этой идеи и этого архитектурного типа, которые он активно развивал и в Детинце, и в монастырях, и на архиепископском дворе. Именно из Новгорода идея постройки надвратных храмов могла попасть уже в Московское государство XVI–XVII вв., где они стали настолько распространены, что воспринимались Павлом Алеппским, дьяконом из Дамаска, приехавшим в Москву и Новгород с посольством Антиохийского патриарха, как русское, московское обыкновение, как примета именно русских земель (хотя он знал и рассказывал о надвратном храме на Афоне, но именно его он сравнивал с многочисленными русскими и «московитскими» аналогиями)⁹⁹.

Обилие монастырских надвратных храмов в московское время и пусть немногочисленные, но сохранившиеся домонгольские надвратные храмы в городских укреплениях и в монастырях (Киев, Владимир) породили у историков архитектуры впечатление, что именно Русь была местом, где развился это необычный, особый тип восточнохристианского храма. Однако мы уверены, что истоки этого типа следует искать в Византии и, прежде всего, — в Константинополе, Новом Иерусалиме Византийского мира.

Сам тип надвратных храмов византийского мира пока практически не исследован, нет и представления о смысловой программе этих памятников. Между тем, у нас есть возможность наметить некоторые направления исследования этого круга сооружений и попытаться понять их значение в системе византийской архитектуры.

⁹⁶ Н4Л, с. 410–411; ПСРЛ Т. 16, с. 170.

⁹⁷ Новгородские летописи. Кн. 1. Рязань, 2002, с. 261.

⁹⁸ ПСРЛ, Т. 16, с. 218.

⁹⁹ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. М., 2005, с. 446. В рассказе об иконе Портанитиссе и поставленной для нее надвратной церкви в монастыре Иверон на Афоне Павел Алеппский делает следующее примечание: «Пробудившись в страхе, они устроили для нее (для иконы. — В. С.) над монастырскими воротами маленькую церковь, как это делают русские и московиты над воротами своих монастырей, о чем мы неоднократно упоминали, и там поместили ее со всевозможным уважением».

Программа надвратных церквей состоит из трех компонентов: из местоположения храмов, из самого типа храмов и из их посвящений. Надвратные храмы средневизантийского времени поставлены при входе в города (собственно Византия, Болгария, Понт, Древняя Русь) и в монастыри (Афон, Киев, Новгород, Смоленск), а также при входе в императорский (Константинополь) и епископский дворцы (Чернигов, Новгород). Во всех этих случаях отчетливо видна градозащитная роль этих храмов, возвышавшихся над башней ворот и прикрывавших вход в город, монастырь или дворец — как сакральной силой своего посвящения, так и своей архитектурой, величественной или скромной, но всегда выделенной самим мотивом вознесенности храма на постаменте воротной башни.

Во всех приведенных случаях образцом служил Константинополь — Новый Рим и Новый Иерусалим (так его называет и митрополит Илларион в знаменитом «Слове о законе и благодати»). Большинство надвратных храмов Византийского мира, посвященных Богородице, воспроизводят этот же образец — как в городах, так и в монастырях.

Но иерусалимская тема присутствует и в более прямом виде — в храмах, посвященных Входу в Иерусалим — здесь они намекают и на Новый Иерусалим (Константинополь) с его Золотыми воротами, и на Иерусалим евангельский с Золотыми воротами, через которые Иисус въехал в город. По-другому градозащитную тему решают посвящения Спасу Нерукотворному: они отсылают не только к воротам Эдессы, над которыми висел, защищая их, знаменитый образ¹⁰⁰, но и к празднику Успения, в день которого образ был торжественно внесен в столицу Византии. Мандилион, внесенный в Константинополь через ворота неподалеку от Влахернского храма Богородицы и поначалу помещенный в этой церкви «в верхнем храме», дает нам ключ к особому оттенку в богородичном посвящении надвратных храмов: возможно, что при этом учитывался не только богородичный храм над Золотыми воротами, не только посвящение Богородице всего города Константинополя, но и Влахернский храм Богородицы с его драгоценными реликвиями Ризы и Пояса Богородицы, напрямую связанными со спасением Нового Иерусалима от варварских вторжений. Отсюда и часто встречающиеся посвящения надвратных храмов Ризоположению и Положению пояса Богородицы.

Следует сказать и о надвратных храмах Большого дворца византийских императоров: их, по письменным источникам, было несколько, и они имели самые разные посвящения. Важно отметить, что в самой

¹⁰⁰ Лидов А. М. Святой Мандилион. История реликвии // Спас Нерукотворный в русской иконе. М., 2005, с. 12–39.

столице тип надвратного храма получил распространение, отделившись, тем самым, от храма Богородицы на (при) Золотых воротах. Дворцовые надвратные храмы (в резиденции митрополита Переяславского, позднее — в резиденциях архиепископа Новгородского и митрополита Ростовского) восходят именно к храмам Большого Дворца.

Архитектурно тип надвратного храма всегда в той или иной степени воспроизводит образ константинопольских Золотых ворот (вероятно — в идеальном, никогда в реальности не существовавшем варианте): это триумфальная арка (быть может, с одним, двумя или даже тремя проездами, как в Золотых воротах), над которой стоит храм — подчеркнуто другой по архитектуре, выделенный и противопоставленный своему основанию, крепостному, торжественному или даже просто утилитарному. Этот тип характерен только для православного мира, где он возник, вероятно, в «темные века», в VII–VIII вв., и получил распространение на широчайшей территории Византийского содружества, дожив в России до Нового Времени. Над крупными воротами с несколькими проездами (как в Киево-Печерском монастыре) или массивными пилонами по сторонам проезда (как в Золотых воротах Киева и Владимира) ставились четырехстолпные одноглавые храмы. Над меньшими башнями с одним проездом ставились чаще всего купольные храмы типа «компактный вписанный крест» (с угловыми столбами): такой тип находим в Дафни, в Гелати, в Татеве, с большой долей вероятности — в церкви Богоявления в Благовещенском монастыре в Новгороде. Несколько реже встречается удлиненный, «зальный» тип одноглавого храма: его видим в храме над воротами крепости Сусурмания, в Бачковском монастыре и в церкви в Фуне (в бескупольном варианте).

Тип храма и его размеры, по всей видимости, не имели решающего значения для надвратных храмов. Типы, используемые для увенчания ворот, характерны для византийской архитектуры, а в разных областях приобретают черты, характерные для местных школ. Важнее был сам образ, само композиционное сочетание ворот и храма, сам башнеобразный, вертикальный, столпообразный силуэт храма на башне. Эта башнеобразность (при узнаваемо храмовом по типу завершении) была одной из основных составляющих образа надвратного храма, а в сочетании со стенами города, дворца или монастыря — с образом Нового Иерусалима.

Возникновение этого типа храма, вернее, храма, комбинированного с воротной башней или триумфальными воротами, является одним из следствий того умственного и композиционного движения, которое привело к созданию основных типов средневизантийской архитектуры. И если самый распространенный тип византийского храма, созданный в это время, тип вписанного креста, совмещал использованную в ком-

позиции всех церквей символическую фигуру креста с четырьмя более или менее равными рукавами и передававший образ божественного неба купол на барабане, возводимый над средокрестьем, то тип надвратного храма отличается едва ли не большим символизмом.

Над триумфальной аркой или другим архитектурно отмеченным входом возвышается узнаваемый православный храм, превращающий эту триумфальную арку или воротную башню в сооружение, передающее христианский смысл, транслирующее христианский образ. Таким образом, преодолевается языческий смысл триумфальной арки, а торжественный въезд и вход в город (монастырь, дворец) возвещает триумф христианства, свидетельствующий не только о земном величии, но и о величии небесном. В результате возникает тип, говорящий о преображении старой языческой архитектурной композиции: храм превращает триумфальную арку в новый тип, делает ее сооружением вертикальным, башнеобразным (чего раньше не было), переводит этот тип в разряд вертикальных вех композиции всего города (он получает узнаваемый облик нового, христианского города), монастыря (он подобен христианскому граду), дворца (он является ядром или подобием христианского града). Город со стенами и башнями получает некий особый символ, позволяющий с первого взгляда распознать в нем город христианский, более того, — город православный (поскольку на латинском Западе эта композиция не привилась).

Этот узнаваемый образ христианского града как-то смыкается с образом Града Небесного, Нового Иерусалима. Как и когда происходит это смыкание — мы не знаем, но думаем, что уже при создании самого типа надвратного храма в VI–VIII вв. образ Небесного Града имелся в виду. Конечно, сначала в создании храма над воротами играли значительную роль идеи посправа и увенчания. Идея посправа заключалась в преобразовании старого объекта (старого типа) путем водружения на него характерного для нового культа объекта или здания. Точно так же, как храм поставлен над триумфальными воротами, были поставлены сотни христианских храмов над местами языческих культов. Но кроме идеи посправа и связанного с ним обновления в образе надвратного храма присутствует идея вознесения культового здания в небеса, идея дарения небесам храма, одновременно защищающего ворота. Эта идея, типологически опирающаяся, вероятно, на образы греческих и римских мавзолеев с их увенчивающим композицию храмиком, отражает как композиционные устремления создателей типа надвратного храма, так и некую тонкую связь надвратного храма с погребениями, с Вознесением (напомним, что погребения зафиксированы в церкви Христа (Халка) в Константинопольском Большом дворце, а также надвратном храме города Перник в Болгарии и надвратном храме Татевского монастыря в Армении).

Особый оттенок надвратным храмам придает также идея заступничества Богородицы, защитившей посвященный ей Константинополь. Эта градозащитная роль вызвала богородичные посвящения во многих церквях над воротами. Есть связь и с находившимся над воротами Эдессы образом Спаса Нерукотворного (перенесен в Константинополь, внесен в город в сопровождении триумфальной процессии через Золотые ворота, помещен в церкви Халки). В любом случае дополнительный градозащитный смысл служил лишь дополнением сложившегося: надвратный храм был тем сооружением, который превращал просто город в подобие Небесного Иерусалима. Это было отражено и в иконографии: в иконах Иерусалим в сцене Входа Господня в Иерусалим стали изображать с надвратным храмом, отражая тем самым представление не о конкретном Иерусалиме эпохи Христа, в котором никакого надвратного храма нельзя было себе и представить, а об Иерусалиме Небесном.

Воображаемый и чаемый град оказался снабжен в воображении людей восточнохристианского мира надвратным храмом в результате нескольких последовательных «приключений» этого типа. Сначала триумфальные Золотые ворота должны были получить новое христианское содержание в результате достройки ворот — к ним был добавлен храм Богородицы Иерусалим (неясно, где он располагался, сверху или где-то внутри ворот, но новое содержание он обеспечивал), обозначивший представление о Константинополе как о Новом Иерусалиме. Иерусалимские Золотые ворота, вечно затворенные, как бы преобразились на новом месте — в столице христианства, городе Константина. Надвратные храмы появились в средневизантийский период и над «калитками» и морскими воротами Константинополя, создав новый оттенок в образе Нового Иерусалима: он теперь воспринимался как город с несколькими воротами и храмами над ними.

Затем идея надвратного храма распространилась в трех направлениях. В первом, городском, каждый новый город, получавший надвратный храм, становился подобием не только Константинополя, но и Небесного Града. Теперь это был образ христианского града вообще. А потому и храмы над воротами небольших крепостей в Болгарии, Понте и Таврии, и храмы над воротами стольных древнерусских городов Киева, Владимира и Новгорода отображали этот образ — с оглядкой на Константинополь, но и прямо, с равнением на Новый Иерусалим.

Ворота монастырей с надвратными храмами во всем были подобием городских врат с увенчивающими их церквами, так что это еще одно отражение представления о монастыре как о граде, но граде опять же идеальном, имеющем в виду Град Небесный, а потому как бы очищенном, дистиллированном, сосредоточенном в создании этого образа. Отсюда компактность, которую создатели византийских и древнерусских

монастырей почувствовали и которую подчеркнули, близко сопоставив собор и ведущую в него надвратную церковь.

Третьей темой был дворец как образ Небесного Града, дворец христианского властителя, а потому берущий образность и формы Небесного Иерусалима как из самого Града (Большой дворец — как отражение Константинополя), так и из образа монастырского (дворец праведного должен был смыкаться с монастырской образностью), но одновременно восходящий к образу Нового Иерусалима напрямую, через интуицию заказчиков и строителей, пытавшихся почувствовать и воспроизвести стихийно сложившийся образ многосоставного, но компактного объекта, увенчанного храмовыми завершениями над воротными башнями.

Сложившиеся в Византии интерпретации образа (и типологии) надвратного храма были восприняты на Руси и развиты если не с большей композиционной и идейной сложностью, то в больших масштабах и в большем количестве. Идея переноса святости из Константинополя в Киев — Владимир — Новгород или другой центр Руси неизбежно влекла за собой представление об этом центре как о еще одном Константинополе (несравнимом, но сопоставимом), а через это — и представление о возникновении еще одного Нового Иерусалима, вернее — отображения Нового Иерусалима. В создании образа еще одного Нового Иерусалима не последнюю роль играло и возведение надвратного храма — узнаваемого символа и одновременно приметы небесного града, понятого и осмысленного через Константинополь. И через строительство такого храма небольшой удельный или крупный стольный град на Руси и маленькая крепость в провинции Понт, монастырь на Афоне и обитель на Чернушках в Смоленске, императорский дворец и архиепископский двор в Новгороде обретают черты подобия чаемого Небесного Иерусалима.

Мы считаем, что тип надвратного храма появился в самой Византии на грани ранневизантийского и средневизантийского периодов, развился в средневизантийское время и получил распространение во всех православных землях. На Руси его развитие в домонгольский период было очень активным. А в послемонгольское время его продолжал в XIV–XV вв. Новгород, передавший сам тип и круг связанных с ним идей Москве и Московскому царству, для которого развитие архитектуры надвратных храмов, в основном в монастырях, было частью новых — имперских, византийских — идей, но и, одновременно, частью старых идей об образе Небесного Иерусалима.

Vladimir V. Sedov

Research Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences, Moscow

NEW JERUSALEM IN CHURCHES OVER THE GATES
IN BYZANTIUM AND OLD RUSSIA

Churches over the gates in Byzantium world always reproduced — more or less — the ideal model of the Golden Gates of Constantinople: there was a triumphal arc and a church above it. This type was characteristic only for the Orthodox world where it appeared, presumably in the “dark ages” — in the 7–8th cent., then, it spread on the broadest territories of the Byzantium commonwealth and was kept in Russia till Modern times. Over the big gates with several passages they set four-columned churches with one head. Over the smaller towers with the only passage they set usually cupola churches of the type of “compact inscribed cross” (with corner pillars). An elongated, “hall” type of a church with one head can be met more rarely.

Types of churches which crowned gates were characteristic for the Byzantium architecture, and in different regions they received features peculiar for local schools. For all of them the whole image was important, composition combination of gates and church as well as vertical silhouette of church on tower. This tower-like look (with recognizable church crowning) was one of the main components which formed an image of church over the gates, and coupled with city or monastery walls they created the image of New Jerusalem.

Above triumphal arc or another kind of entrance marked with architectural means an Orthodox church rouse; it transferred such triumphal arc or gates’ tower into an edifice translating a Christian image. So, they overcame a pagan symbolism of triumphal arc, and ceremonial entrances to a city (monastery or palace) were transformed into Christian triumphs which spoke not only on the earthen greatness but on the heaven grandeur.

Recognizable image of Christian city with churches over the gates closed down with the image of the Heavenly City, New Jerusalem. When and how it happened, we don’t know, but we could suppose that just in the moment of creation of the type of church over the gates they kept in mind the image of the Heavenly City.

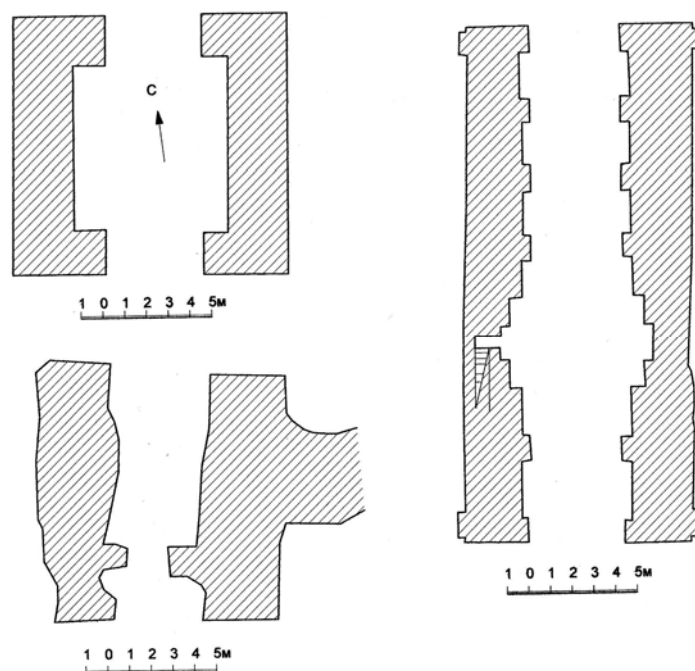
Imagined and desired city in the mental picture of the Eastern Christian people was completed with church over the gates — it was a result of several successive “adventures” of this type. At first, the triumphal Golden Gates had to receive a new Christian essence in the process of completion when they were added with a church of the Mother of God of Jerusalem (it is not clear where it was: on the upper level or somewhere inside the gates, but anyway it provided a new matter) — it indicated the idea of Constantinople

as New Jerusalem. Then, the idea of church over the gates was spread in three directions. In the first, city one, every new city received a church over the gates became an image not only of Constantinople but of Heavenly City as well. It became an image of Christian city in general. That is why churches over the gates of small fortresses in Bulgaria, Pont and Tauria and churches over the gates of old Russian cities Kiev, Vladimir and Novgorod reflected this image with caution of Constantinople and at the same time taking into aim New Jerusalem.

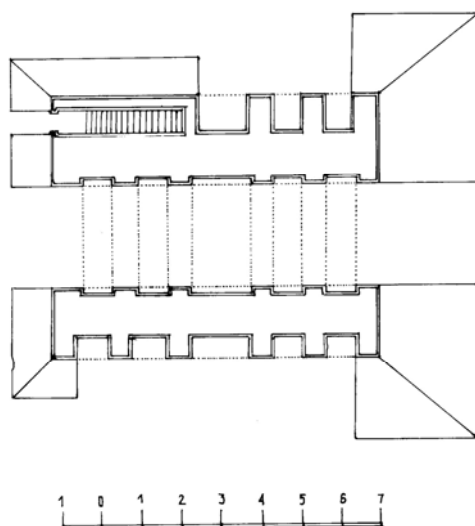
The second direction was connected with the gates of monasteries with churches over them. They were similar to the city gates because they were one more reflection of the idea of monastery as the ideal city — i.e. Heavenly City; so, they were in a way a purified, concentrated variant of the same image.

The third theme was palace as an image of Heavenly City — palace of Christian ruler which took figurativeness and forms of Heavenly Jerusalem from the City as it was (Great Palace as a reflection of Constantinople), as well from the image of monastery and going back directly to the image of New Jerusalem through the intuition of customers and builders who tried to consider and reproduce a spontaneously created image of the compact and multileveled object crowned with churches over the gates' towers.

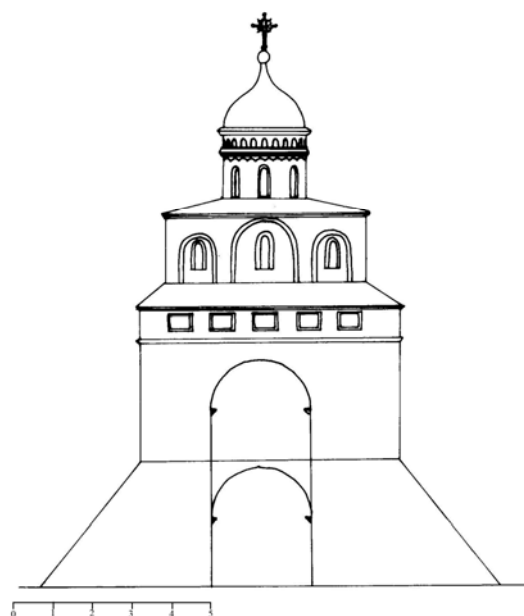
Interpretations of the image of church over the gates formed in Byzantium were perceived in Russia and developed if not with a bigger composition and ideological complexity, so in a bigger scale and more numerously. The idea of translation of sanctity from Constantinople to Kiev, Vladimir and Novgorod or to any other centre of Russia entailed inevitably an understanding of this centre as one more Constantinople and through it — a thought of appearance one more New Jerusalem, exactly: one more reflection of New Jerusalem. In the creation of image of one more New Jerusalem a construction of a church over the gates was not the last in importance — it was a recognizable symbol and at the same time a sign of Heavenly City considered through Constantinople.

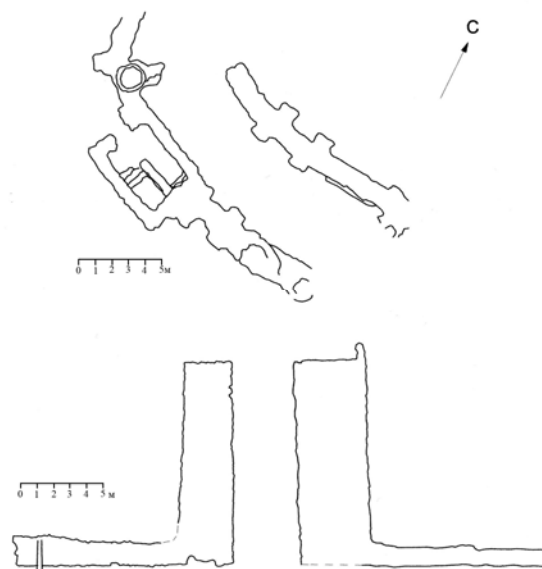
1. План ворот Детинца в Киеве (слева сверху) ; план ворот Детинца в Чернигове (слева внизу); план проезда Золотых ворот в Киеве (справа)

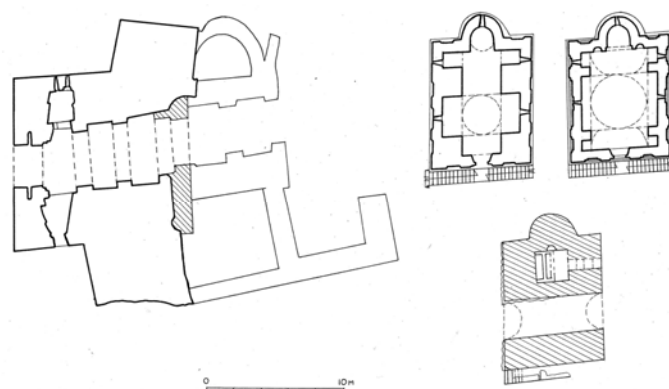
2. План Золотых ворот во Владимире

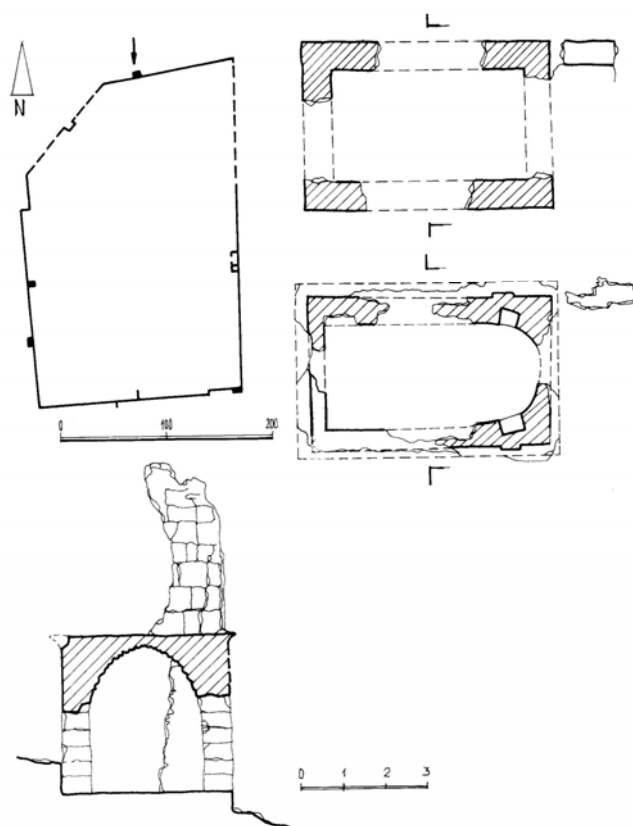
3. Западный фасад Золотых ворот с церковью Ризоположения во Владимире (по чертежу XVIII в.)

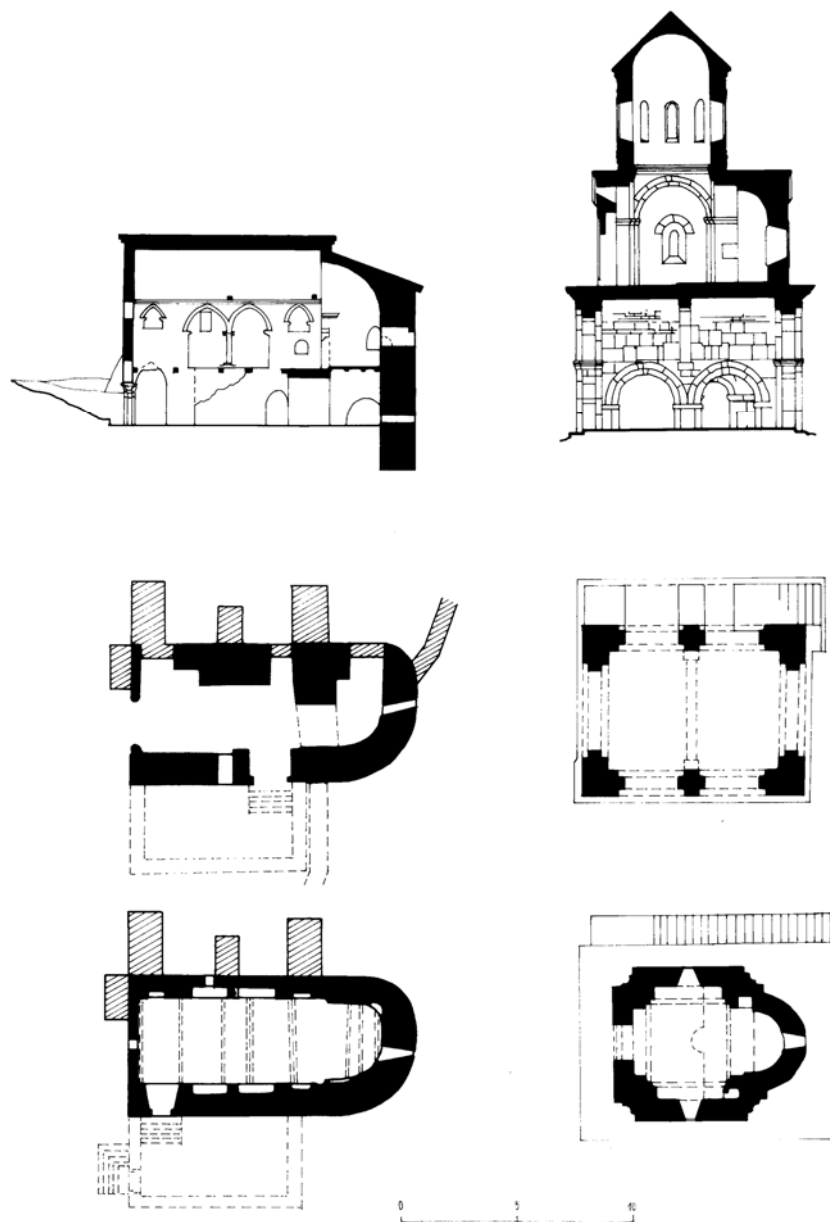
4. План ворот под церковью святого Феодора в Переяславле (Южном);
план ворот под церковью Иоакима и Анны в Детинце Владимира

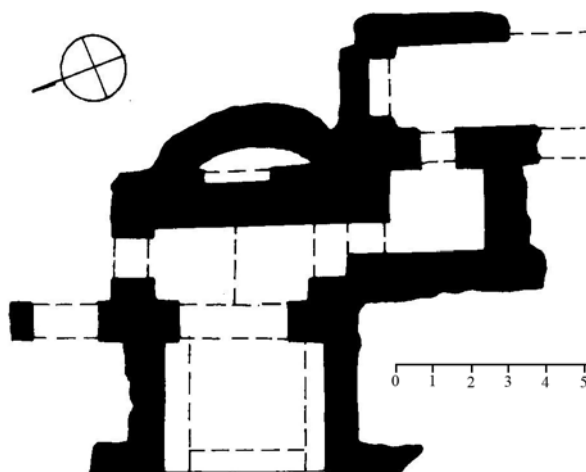
5. План ворот с надвратной церковью князя Владимира в Детинце Новгорода (слева); план ворот и гипотетические планы надвратной церкви в Пернике (справа)

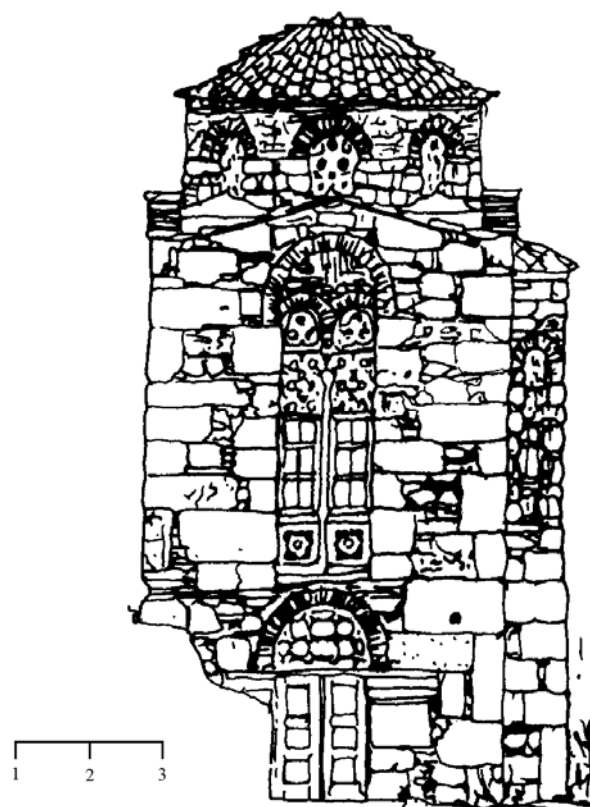
6. План крепости Сусурмания с указанием места ворот, план ворот, план по уровню надвратной церкви, поперечный разрез ворот и храма

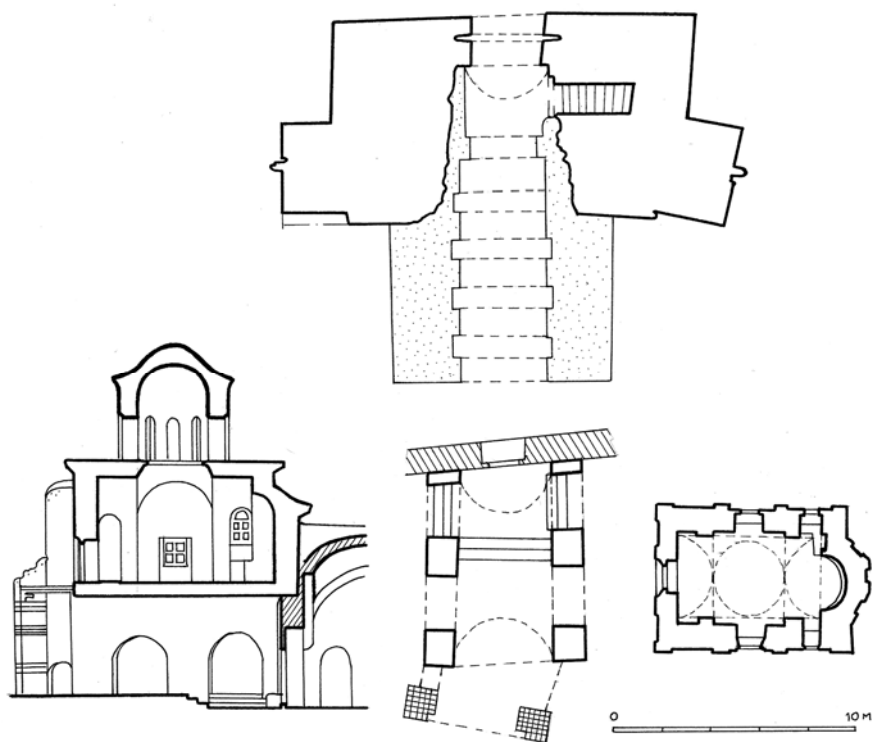
7. План ворот, разрез и план надвратного храма в крепости Фуна (слева);
 план ворот, план и разрез надвратной церкви Николая в монастыре Ге-
 лати (справа)

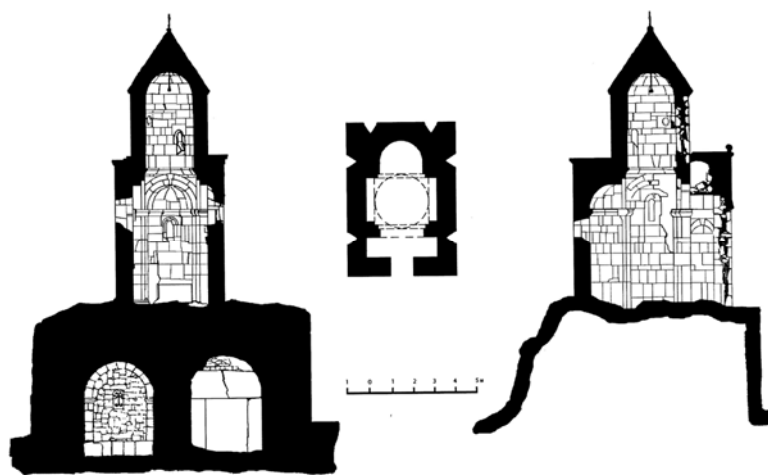
8. План ворот под надвратной церковью в Манганах в Константинополе

9. Фасад надвратной церкви (?) в монастыре Осиос Лука в Фокиде

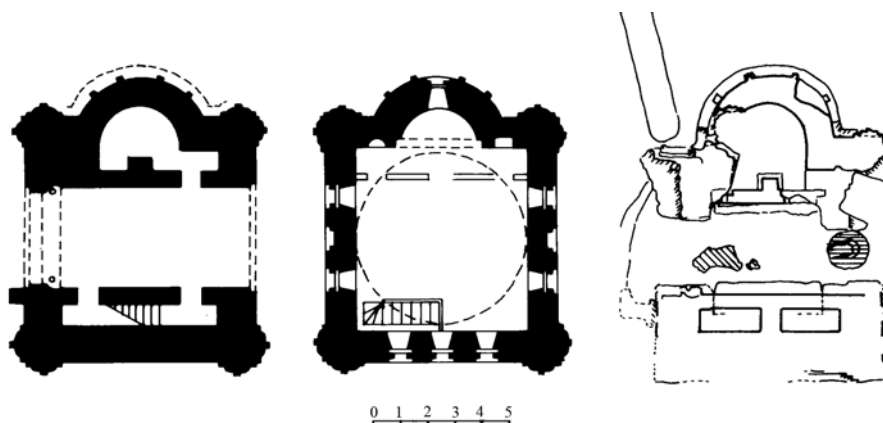
10. План башни и ворот под надвратным храмом Спаса-Преображения в Детинце Новгорода (вверху); план ворот, разрез и план надвратного храма в Бачковском монастыре (внизу)

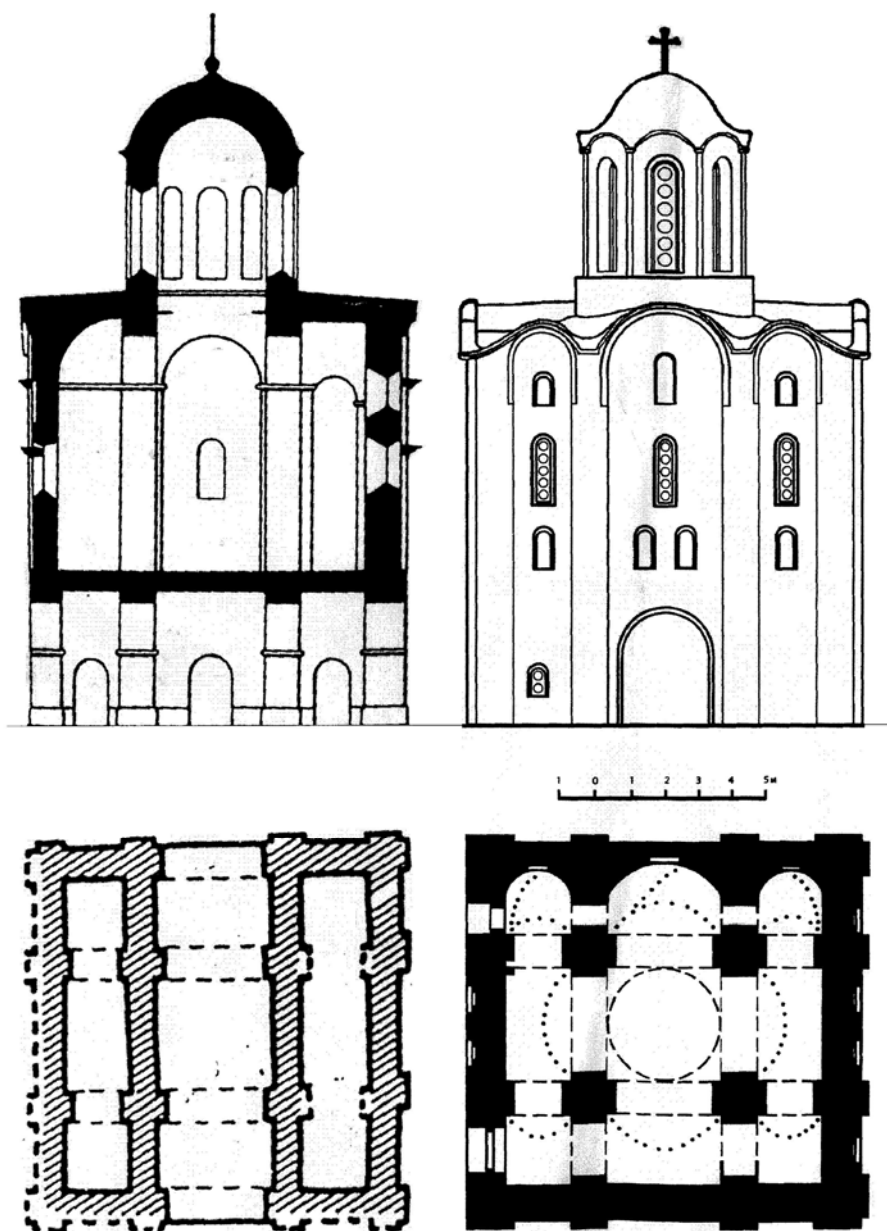
11. План надвратной церкви Аствацацин и разрезы церкви и ворот в монастыре Татев

12. Фасады надвратной церкви Аствацацин в монастыре Татев

13. План раскопанных частей ворот под надвратной церковью в Михайловом Златоверхом монастыре в Киеве, реконструкция плана ворот и плана надвратной церкви

14. План ворот и надвратной церкви Троицы в Печерском монастыре в Киеве, фасад и разрез